

Пока я спала

Автор:

Амалия Март

Пока я спала

Амалия Март

Помните, как в фильме: упал, потерял сознание, очнулся – гипс! Вот со мной произошла очень похожая история. Только я упала, очнулась и – упс! – мама... А какой-то заросший мужик – мой муж. И не сказать, что я от этого в восторге. Ведь еще вчера я млела в объятиях страстного грека, встречая закат в Санторини, а сегодня проснулась в серых буднях Москвы. Как это могло произойти, спрашиваете вы? Бытовая магия, гипноз, ритуал вуду? Нет – просто я не помню последние полтора года своей жизни. Теперь мне предстоит выяснить, что же случилось с моей жизнью, пока я спала...

Амалия Март

Пока я спала

Часть 1

Глава 1

Желтое солнце, похожее на яркое блюдце над головой, становится все меньше. Оно тонет за горизонтом, окрашивая алым небо, воду и стены одноэтажных

домишек острова.

Я бесконечно щелкаю затвором, ловя каждый миг на свою камеру, боясь упустить тот самый единственный гениальный кадр, который оправдает долгую и дорогую дорогу сюда. Мельница на берегу отражает последние лучи уходящего солнца, небо заливается всеми возможными оттенками красного, и, наконец, это случается. Тишину маленького городка заполняют восторженные аплодисменты и громкие вскрики радости, знаменуя красивейший закат на планете.

Мужские руки, загорелые от природы, ложатся мне на талию и отвлекают, разворачивая к закату спиной. Никос – мой трофей в этой греческой поездке – горячо и страстно припадает к моему рту, вмиг заявляя на него свои права. От его напора я теряюсь, не привычная к столь откровенному проявлению чувств в толпе незнакомцев, но быстро расслабляюсь, напоминая себе, что это тоже часть приключения.

– Традиция, – на хорошем английском шепчет Никос, отрываясь от моих губ.

С легким головокружением от его чар я оборачиваюсь и замечая, как парочки туристов, занявшие удобные места на подножии крепости Святого Николаса рядом с нами, слились в долгих пылких поцелуях. Мне говорили, что закат здесь – это представление, которому нужно отдать почести громкими хлопками и чувственными поцелуями, но я не думала, что стану его частью. Поднимаю камеру, повисшую на груди от неожиданного маневра моего спутника, и берусь за работу. Часть туристов, пришедших только лишь ради нескольких минут умирающего в сегодняшнем дне солнца, уже спешат по лестнице вниз, оставляя самым романтичным свободные метры. Раз за разом я ловлю в объектив влюбленных на фоне моря, неба и белоснежных стен, отливающих в сумерках рыжим. Беру камерой выше и успеваю запечатлеть наиболее удачливых и бесстрашных ловцов заката: гордо возвышающиеся над островом силуэты заняли развалины старого замка и крыши самых высоких домов.

Всего за несколько минут от падения солнца за горизонт маленький городок погружается в сумрак. Зажигаются фонари, подсветка бассейнов дорогих отелей и гирлянды на окнах местных жителей. Через объектив весь этот мир кажется насыщенно богатым, щедрым на красоту. Я упиваюсь глубиной цвета моря у подножия, блестящими боками катера, увозящего туристов на другую часть острова, вдохновляюсь тенями, что отбрасывает мельница на пешеходную

тропинку, и стройным рядом мулов, поднимающихся к домам после тяжелого рабочего дня.

Как всегда это бывает во время работы, мое сердце заходится в удвоенном ритме, глуша любые звуки, комок ярких чувств скручивается животе и ломит под ребрами. Я будто все еще стою на земле, но касаюсь ее одними мысочками. Все тело парит, пульсирует жизнью, свободой и жаждой быть больше, чем я есть в эту минуту.

Шеи касаются настырные губы мужчины, о котором я смела позабыть на эти несколько ярких мгновений. Никос низко рычит, показывая свое нетерпение, и прихватывает кожу на оголенном плече зубами. Страстный грек неутомим и полон энергии, и совершенно не верит, что я приехала сюда работать, когда весь мир – отдыхать.

Я подцепила его в Афинах два дня назад. Высокий, черноволосый и горячий, как сам Адонис – бог красоты и желания. Хотя скорее это он подцепил белокожую туристку, с бо?льшим восторгом смотрящую в небо, нежели себе под ноги. В чем греки сильны, так это в завоеваниях. Покорить мое избалованное вниманием сердце ему оказалось под силу в считанные часы. Еще днем он кормил меня местными фисташками с руки, а уже вечером того же дня выбивал звуки из скрипящей кровати в гостиничном номере, который я сняла на одну ночь. Импульсивный Никос клялся мне в вечной любви до утра, а потом рванул вслед за мной до Санторини, подтверждая свои слова действием.

Он познакомил меня со своей крестной из Фиры, поселил в ее маленьком домике с видом на рынок и опоил санторинским вином до полной капитуляции. А сегодня привез на юг острова, чтобы я смогла увидеть лучший закат в своей жизни с самой красивой смотровой площадки Санторини – городка Ия, затерянного на вершине потухшего вулкана. И кадры, что мне удалось запечатлеть, будут стоять каждой минуты нелегкого расставания с неутомимым Никосом завтра.

– Оморфи?я, – опалает ухо греческое слово, значение которого Ник объяснил как “красавица”. – Пошли в постель, – уже на чистом английском.

Его наглые руки не стесняются прилюдно изучать мое тело, скользя под топ и опускаясь на шорты сзади. Я тихо смеюсь от разбегающихся мурашек. Люблю

настойчивых мужчин, а еще таких неприкрыто сексуальных и кареглазых. Набор фотографий из разных уголков мира не будет врать: я везде нахожу такого. И это приятный бонус к работе международного фотографа. Моя жизнь – идеальна.

– Сейчас, сейчас, – уговариваю подождать, пока беру в кадр последних туристов, засидевшихся на ступенях.

Кадр, еще кадр. Теперь ночное небо над голубокрышей церквушкой. Поворачиваюсь к Никосу и беру его в объектив. У меня уже с тысячу его полуобнаженных фотографий и примерно на сотне из них один только его греческий профиль. Он не противится, а с нескрываемым удовольствием застывает, показывая лучший ракурс. Как-то в пылу ночных утех он обронил, что все греки – потомки богов, поэтому так радуются этой жизни. Я посмеялась над шуткой, а он обиделся, посчитав оскорбительным мое неверие, и вознамерился тут же доказывать, что вынослив, как Эрот*, и могуч, как Кронос.* Доказал даже дважды.

– Повернись к морю, – прошу Никоса, захваченная божественной линией его прямого носа и точеных скул. Забираюсь на перила лестницы у самой крепости, хватаюсь для надежности за одинокий фонарь и направляю объектив сверху-вниз, ловя тени от пушистых ресниц на щеках мужчины. В черно-белом фильтре он прекрасен.

– Слезай, безумная, – широко улыбается Ник, тем не менее не двигаясь с места, позволяя мне сделать еще один выразительный кадр.

– Последний, – говорю, подхватывая камеру второй рукой, одной правой сделать достойный снимок не выходит, новый Canon, на который я зарабатывала год, нелегкий инструмент для съемок.

Затвор щелкает, оставляя на сенсорном экране величественный вид моего грека, и я проматываю последние кадры по осям, сразу удовлетворяясь полученными снимками. Нашупываю рукой стену крепости и медленно сползаю вниз. Никос делает шаг ко мне и протягивает руку, но не успевает ухватить мою, когда я поскользываюсь на вылетевшем из-под ног камешке и заваливаюсь назад.

Я успеваю испугаться, но не за себя, а за камеру, которая стоила мне баснословных денег, поэтому последнее, что запоминаю четко перед болезненным ударом, это крепко прижатый к груди фотоаппарат и карие-карие глаза, смотрящие на меня с неподдельным испугом.

Глава 2

Голову ломит так, словно по ней прошлись ломом в подворотне. Я с трудом разлепляю глаза и сначала мне кажется, что я умерла. Все такое белое!

Но вряд ли рай полон боли, а на ад я уж точно не заработала. Я была примерной девочкой. Ну почти. С силой сжимаю веки и тут же слышу болезненный стон, свой стон. Боже, как же болит голова. Пытаюсь повернуть голову в бок, но от резкого прострела в шею на глаза наворачиваются слезы. Это не похоже на похмелье. Совсем, совсем не похоже.

А все бы так логично объяснялось. Что же произошло?

Сглатываю слюну, облизываю пересохшие губы и болезненно морщусь от кровоточащей ранки. Приложилась обо что-то. Так, думай, голова, вспоминай. Нападение в Конго? Я была там весной, обошлось без рабства и грабежа. Минные поля Камбоджи тоже успешно удалось миновать, насколько я помню. Хотя не обошлось без ядовитых змей, которые, впрочем, отлично смотрелись на итоговых кадрах. Но после этого я точно взяла отпуск. Помню, собиралась на острова.

Острова, острова.

Во рту образуется неприятная горечь, и к горлу подкатывает знакомая тошнота. Оливки, точно! Меня пытались кормить ими с рук, такими большими, мясистыми, противными. Оливками. Руки были прекрасны. Я закрывала рот и пыталась в сторону них даже не дышать, и тогда загорелые мужские руки сжалились и протянули мне большую соленую фисташку. Божественный орех.

И тут как ясное солнышко средь зимы: Никос!

Мой прекрасный грек, закат, дурацкая крепость. Я упала. Не спас меня мой величественный Кронос. Вот почему такая боль.

– Ни-кос, – тяну охрипшим голосом. – Подними меня, – на английском.

Не забыла. Хорошо, значит, мозг цел. Теперь главное, чтобы мой Кенни был жив. С трудом поднимаю ладонь и ощупываю свою грудь. Камеры нет. Нет, только не это, только не Кенни. Пытаюсь привстать и открыть глаза, но яркий дневной свет слепит, а тело пронзает стрела боли.

– Ни-ко-ос, – жалобно пишу я. Не бросит же он здесь, у подножия священного места, женщину? Даже если она теперь инвалид?

Из уголка глаза вытекает одинокая горькая слезинка. Она обжигает кожу, стекая к уху, и теряется там в волосах. Продолжаю попытки нащупать свой драгоценный фотоаппарат рядом, но все безуспешно, руки словно одеревенели, совсем не чувствую пальцев. И Никос не спешит на подмогу. В голове какая-то сумятица. Все смешалось в экспрессивные кадры: вино, горы, закат, цветастые бабочки. Причем тут бабочки – загадка. Пытаюсь собрать себя в одно целое болезненное тело, но это труднее, чем кажется, словно на мне лежит тяжелое пуховое одеяло, плотно прижимая к земле.

Постепенно мир наполняется не только звенящей болью, но и другими ощущениями. Например, холодом. Мне холодно лежать на земле. Это странно. Влажная дорожка от глаза к уху, оставленная горькой слезинкой, первая это чувствует. Кожу стягивает и странно саднит. Я выдыхаю и чувствую, как изо рта вылетает облачко пара. Но это же невозможно, да? Не летом на Санторини!

Собрав силы, снова приоткрываю глаза. Слегка-слегка, на миллиметр. Светло. Ночью? Я окончательно перестаю что-либо понимать. Странное чувство безысходности топит все рациональные рассуждения в очередном потоке слез. Я всегда была человеком повышенной эмоциональности (а не истеричкой, как утверждала сестра), но тут даже прожженный жизнью сухарь бы зарыдал. Я ничегошеньки не понимаю, и это чертовски пугает.

– С вами все в порядке? – раздается над головой.

Я набираюсь сил ровно на то, чтобы выдохнуть:

– Нет, – и снова ощутить влагу на щеках.

А по раздробленному сознанию бьет еще одна немаловажная деталь: я ответила по-русски. Потому что спросили меня тоже на родном языке.

– Вам помочь встать? – скорее чувствую, чем вижу, как надо мной кто-то склоняется.

Лба касаются холодные пальцы, скользят в волосы, сдвигают шапку. Я в шапке! Господи, что происходит?!

– Ничего себе! – присвистывает добрая женщина. – Я вызову скорую.

И мне совершенно не нравятся ее слова. Этот тон, завуалированно спокойный, таким разговаривают со смертельно больными, обнадеживая.

– У меня мозги на тротуар вытекли? – спрашиваю самое красочное, что пришло мне в голову.

– Нет, просто... ушиб, царапина.

Я точно умираю!!! Помоги мне, Господи!

Осмеливаюсь поднять руку и поднести к лицу, сквозь щелочки глаз вижу, что в варежках. Вот почему казалось, что пальцев не чувствуется. Тяну варежку второй рукой, продрогающими пальцами дотрагиваюсь до лба. Кончики пальцев касаются чего-то липкого, и я уже знаю, что увижу на них кровь. Не хорошо. Плохо. Я очень, очень плохо переношу вид крови.

Чувствую, как перехватывает дыхание, грозя вылиться в самую настоящую паническую атаку. Зима, Россия, я на земле вся в крови. Попахивает чем-то очень скверным. Политический заговор! Контрабанда наркотиков! Похищение пришельцами! И это самые приемлемые варианты. Мне страшно, очень. И слезы все льются и льются, чуть ли не превращая лицо в маску из льда.

– Потерпи, девочка, – гладит меня по руке милая женщина, – скорую вызвала, скоро будет.

Странно, ничего не слышала, словно в информационном вакууме нахожусь, все звуки извне, кроме каких-то отрывочных, что обращены прямо ко мне, заглушил стук пульса в ушах. И паническая атака.

– Нужно кому-нибудь позвонить?

– Да! – почти вскрикиваю. Конечно, нужно позвонить. – Сестре, – прошу я. – Только телефон...

Ощупываю руками карманы, но сквозь огромный пуховик (вот и одеяло, которым меня прибило к земле) чувствую только ключи.

– Может в коляске? – спрашивает сердобольная женщина.

В какой еще коляске? Я что и правда инвалид??? Греция закончилась не страстным прощанием в постели грека, а сломанными ногами и травмированной башкой?! Жизнь кончена. Просто... кончена.

– Ой, малыш проснулся, – щебечет тетка.

Какой еще малыш???

Словно в ответ на мой вопрос, все тело скручивает от жалобного детского плача. Какая же безумная головная боль, боже, только чьих-то детей здесь не хватает, чтобы добить меня.

– Ну-ка, – начинает сюсюкать моя спасительница. – Посмотри, какая погремушка, – воздух разрезает убийственный шорох адского приспособления для младенцев.

Словно гречку в воспалённый мозг засыпают.

– Хочешь к маме? Да? А ко мне на ручки пойдешь? Мама пока не может подойти, у мамы бо-бо, – опытными методами успокаивает неугомонного ребенка

женщина.

Так, стоп.

Чья мама бо-бо?

– Мама упала и бах! Но все будет хорошо, с мамой все хорошо.

Эм...

– Это не мой ребенок! – вмиг прорезавшимся голосом утверждаю я.

– Но как же?..

И хотя это тяжело, глаза неумолимо режет светом, перевожу взгляд левее, чтоб увидеть, что там за ребенок и с чего женщина взяла, что он мой. Маленький, щекастый, в огромном синтепоновом комбинезоне. Никаких признаков общей генетики. Это чей-то левый пацан, я к нему не имею ни малейшего отношения! Может, я и не понимаю, как оказалась здесь среди снегов России, когда только что провожала лето в Греции, но одно могу утверждать смело: этот младенец не мог вылезти из меня.

Не-а. Никак.

– Но я видела, как вы гуляете с коляской, – голосом работницы интерната для умственно отсталых, оповещает меня спасительница.

– Нет, – твердо говорю я, убежденная, что это бред.

Похищение инопланетянами звучит правдоподобнее, чем я, нарезающая круги с коляской.

– А, вы – няня, – наконец, выдвигается новая версия.

Мозг уже начинает плавиться от этой бессмыслицы. Он и так не чувствовал себя достаточно уверенно для диалога, а теперь просто приказывает срочно устроить

перезагрузку всех систем, отрубить все мониторы и, возможно, слегка отформатировать диск. Чувствую, как глаза закрываются под тяжестью безумных событий и давящей боли и успеваю только решительно прошептать очередное "Нет".

Мне плохо. Сильно тошнит. Опять попало ведро с гвоздями, а не хорошо амортизированный туристический автобус. Такими темпами скоро придется возить с собой специальные пакетики.

Я морщусь и крепче сжимаю веки, не понимая, почему все тело болит, как после Нью-Йоркского марафона. Я же отдыхала. А, нет, я упала. Точно.

А ещё мне снился странный глупый сон...

На очередной кочке автобус подсакивает, и я издаю болезненный стон. Всё-таки крепко я о старинные камушки приложилась. Хорошо, что в транспорт погрузили и куда-то везут.

– Никос? – мне бы воды. Пить хочется ужасно. И тошнит. Сильно.

– В сознании, – звучит поставленный женский голос.

Не Никос.

Чувствую странное похлопывание по правой руке.

– Как вас зовут? – обращается явно ко мне.

– Марина, – открываю глаза, темно. Из маленьких окошек автобуса льется рассеянный свет уличных фонарей, и я жмурюсь. Неприятно. Но успеваю рассмотреть медика.

Хорошо, что обо мне позаботились. Но черт его знает, как тут с этими делами для туристов.

– Страховка, – выходит хрипло. – В рюкзаке.

– Марина, грудью кормите?

Что за странный вопрос? Может у них тут это стандартный опросник для таких, как я, неудачниц, что летят с вековых лестниц башкой вниз? Кстати, вполне понятно, почему голова ощущается расколотой вазой.

– У меня трещина? – вместо ответа, спрашиваю.

– Что она сказала? – обращается к кому-то врач.

– Бредит, путает языки, давай адреналин ставить, иначе в сознании не довезем, – доносится мужской голос.

– А если кормящая?

– Значит, закончит кормить. Главное довезти.

Я решительно ничего не понимаю. Хочу задать миллион вопросов, но сознание путается. Я то греюсь под солнцем Санторини, то лежу на холодной земле Москвы. И плач. Везде мерещится взрывающий голову детский плач.

Руку болезненно перетягивает жгутом, мне знакомо это ощущение, сколько анализов я сдаю перед каждой поездкой. Укол почти не чувствую, только как сердце начинает часто-часто колотиться. Пульсирует в груди, в висках, даже в горле.

– Марина, что чувствуете?

– Сердце колотится, – разжимаю пересохшие губы. – Пить хочу. Тошнит, – перечисляю симптомы.

– Вадь, у нас вода есть?

– Тут в коляске бутылочка, подойдёт?

Коляска, коляска, коляска... Пытаюсь уцепиться за эту мысль. Но она тает на кончике языка, на который попадает спасительная жидкость.

– Как же тебя угораздило так? – заботливо спрашивает женщина-врач, помогая мне напиться воды.

– Упала, – болезненно выдыхаю.

– Ну ничего, сейчас доставим вас в приемное, подлатают. Жить будешь.

Кого "вас"?

– Мужу-то позвонить, наверное, нужно, беспокоиться будет.

– Нет мужа, – сглатываю.

Такие нетактичные вопросы могут задавать только в России. Я ни черта не в Греции. Я ни черта не упала. Странный сон о сугробах и младенце – не сон.

Сюр какой-то.

– Ну, набери кому надо.

На живот ложится телефон, я машинально сжимаю его пальцами. Что-то не так, он некомфортно ложится в руки. Я замечаю это, потому что мир становится четче. Мне лучше, я уже не "плыву" в пространстве, а подмечаю детали.

Я не в автобусе. Это отечественная газелька Скорой помощи. Сейчас ночь. Хотя нет, вечер, судя по тому, что в прошлый раз я открывала глаза посреди бела дня. У меня болезненная травма на голове. Неизвестного происхождения. И я понятия не имею, как, черт возьми, здесь оказалась.

Кручу телефон в руках, включаю, разблокирую. На экране одна из моих фотографий, Камбоджа. Я узнаю ее, но не помню, как поставила. Сразу выискиваю сестру в недавних вызовах. Включаю вызов на громкую связь.

Абонент – не абонент.

Черт.

Пробую ещё раз. А потом ещё.

Кроме сестры у меня в Москве никого нет, никто не сможет мне помочь.

Это ужасно.

Просматриваю недавние вызовы. Одни неизвестные номера. Бесполезно. Оупение снова переходит в страх.

Кто-то должен мне помочь.

Глава 3

– Эй, ты спишь? – в мой беспокойный сон вклинивается тихий грудной голос.

Он раздвигает завесы сна и распугивает мельтешащие перед глазами картинки.

– Нет, – удастся разлепить пересохшие губы.

– Как себя чувствуешь? – вкрадчиво и беспокойно.

– Нормально, – а может это все еще сон? Сладкий. Тут темно и спокойно, а незнакомый мужской баритон обтекает по венам, как шоколад.

Чувствую, как запястья касается теплая немного шершавая кожа. Большим пальцем незнакомец поглаживает мне ладонь, таким энергетически правильным жестом, словно всегда это делал. Да, мне нравится этот сон, нравится. Темнота и мужские руки. Огонь. Можно перейти и к более смелым действиям. Мне зябко и одиноко в постели, я бы не отказалась от теплых объятий, или даже согревающего...

– Поцелуй? – тянусь к невидимому мужчине рукой в надежде на горячее продолжение.

Где я его подцепила? В австрийском баре? При отеле в Дубаи? Или привезла с собой с какого-то острова, как Лиуджи? Ах, Лу, загорелый весельчак с самыми нежными руками на свете. Его фотографии с руками оторвали в Нешнл Географик. Нет, это точно не Лу, слишком мозолистые пальцы. М-м-м, меня потянуло на работяг в клетчатых рубашках с фермы Айовы? Не похоже на меня.

Пальцы нащупывают крупный нос, по моим собственным приметам – лучший показатель либидо, и я улыбаюсь. Хорошо, я рада, что мой глазомер не ошибся в погоне за редкой красотой. Что же у нас дальше? Выразительные губы? Острые скулы Капитана Америки?

Борода.

Ауч.

Я не большая поклонница растительности на лице мужчины, особенно колючей, как чертополох в июне. Но я, однозначно, за разнообразие. Скорее всего меня подкупила его маскулинность. Такой первобытный инстинкт.

– Забирайся в постель, – томно шепчу моему новому приключению. Голова в такой приятной неге, не хочется просыпаться до конца.

– Ты точно ударилась головой, – усмехается.

Горячая ладонь соскальзывает с моей руки, лицо отстраняется от моих проворных пальцев. Какой бука.

– Марсель с моей мамой, можешь не беспокоиться, через пару дней вернем тебе в сохранности, – сухо констатирует мой любовник.

Доносится жалобный скрип, как от прохудившейся спинки старого стула, затем тяжелый выдох. Звуки напоминают Италию. “И запахи” – неожиданно понимаю я. Сырость и соль.

– Марсель?

Завела себе еще и француза? Или собачонку? С этими именами никогда не поймешь!

– Да, с сыном все в порядке, слава богу. Что с тобой произошло?

Со мной? Все прекрасно, я до конца не проснулась, и если он поторопится, то может получить мое “доброе утро” в самом лучшем исполнении. Обожаю такие моменты между сном и явью, все такое приглушенно-томительное. Но какая-то трезвая мысль все же проскальзывает сквозь мое матовое восприятие действительности.

– У тебя есть сын? – вопрос слетает с губ прежде, чем мозг даже конвертирует звуки в мысли.

Почему-то новость меня огорошивает. Бородатый фермер, еще и папаша. Сколько же я выпила и на какой паром села?

– У нас.

– Пфф, шутник, – пытаюсь повернуться на бок, чтобы уютнее устроиться под теплым одеялом, а юморист пускай сыреет снаружи, раз такой несговорчивый, но что-то мешает. Тело какое-то нездорово отяжелевшее. А правая рука и вовсе к чему-то присобачена.

Э-э, нет-нет-нет, я в такие игры не играю, Айова. Так и знала, что рано или поздно нарвусь на извращенца. Дергаю рукой, прикладывая все силы, что наскребаю в опустошенном теле. Выходит жалкая и болезненная попытка.

– Тише, не дергайся, – успокаивающий тембр приближается к лицу.

– Отпусти меня к чертям собачьим! – говорю твердо и зло. – И вруби уже гребаный свет! – продолжаю выкручиваться из странного плена

– У тебя просто повязка на глазах. Да хватит дергаться! – чуть повышает голос, оставаясь все в тех же низких рычащих нотках, опускает ладонь мне на плечо,

придавливая к постели. – Катетер вырвешь.

Он чертов маньяк! Безумный поклонник! Вливает в меня какую-то гадость, от которой как в нирване плывешь, не способный концентрироваться на реальности. Так и знала, что нельзя направо и налево раскидываться карточкой фотожурналиста. Теперь меня постигнет участь того чувака из фильма “Мизери”, хорошо, если до сломанных ног не дойдет.

– Да что на тебя нашло? – звучит удивленное.

– Ты развяжи меня, и я тебе покажу, что нашло, – цежу сквозь зубы, даже щелкаю челюстью, пытаюсь укунить похитителя за предплечье.

С маньяками так нельзя, я помню, но сюсюкать с извращенцем – это точно не ко мне. Отпустит, как миленький. Особенно, когда я его американскую задницу на флаги рвать начну.

– Видимо травма головы серьезнее, чем мне сказали, – очередной тяжелый выдох, щекочущий мне щеку. – Ты в больнице.

– Что?

– Ты ударилась, упала, потеряла сознание. Мне позвонили – я приехал. В руке катетер, ее зафиксировали, чтобы ты не дернула, пока спишь. На глазах повязка, – сухо перечисляет, отодвигаясь.

Упала...

Точно. Дурацкий камешек. Крепость. Нет. Снег. Больница.

Голова проясняется, и возвращается сильная боль. Помню, как везли, опрашивали, что-то подписывала сослепу. Гудение какой-то трубы. Никос. Нет, Никоса здесь нет, это не Греция.

– Где я?

– В больнице.

– Нет, страна.

– Россия. Я позову врача, – снова скрип.

– Стоять! – выходит почти твердо. – Повязку сними. Пожалуйста, – смягчаюсь.

Кто бы не был этот чувак – он пока единственный источник ответов и помощник.

– Наверное, лучше врач.

– Наверное, лучше я сама! – хватаюсь за края бинта свободной рукой и пытаюсь нащупать край. Завязали на славу. На бантик. Россия... – Я же не ослепла? – вдруг прорезается “гениальная” мысль.

То-о-олько не паниковать!

– Подожди, – грубые пальцы снова касаются моей руки, отодвигая.

Он долго возится, настолько, что я успеваю привыкнуть к теплу его рук у лица и запаху, что от него исходит. Теплого дерева. Станный аромат. Бинт спадает с глаз, искусственный свет бьет по зрачкам, заставляя зажмуриться. Но я вижу, слава богам.

– На брови швы, – вновь заговаривает мужчина. – Наверное, перевязали, как смогли.

– Коновалы, – откидываюсь на подушку,ставляю ладонь козырьком, защищаясь от слишком интенсивного света.

Глаза понемногу привыкают, открываются шире, перестают слезиться.

Я с интересом прохожусь взглядом по палате, в которой лежу. Наполовину выкрашенные в зеленый стены, коричневая плитка на полу, одеяло в цветочек на мне. Из сказки – в родные реалии. Да еще и с дырявой башкой. Круто.

Медленно перевожу взгляд на самый интересный объект в этой комнате. Колючий баритон. Даже с пеленой на глазах вижу, что мужчина и близко не похож на того, с кем я могла бы приятно провести время. Слишком тяжелый взгляд, слишком бородатый, слишком... обычный. Кто же ты?

– Ты еще что за хрен?! – выходит грубовато, но жизненно.

Угрюмый взгляд “не американца” становится еще более тяжелым, он открывает рот, желая, видимо, возмутиться моему эпитету “хрен”, но не успевает. В двери появляется медсестра с капельницей в руках.

– А вот и наша черепно-мозговая очнулась, – почему-то восторженно говорит она. – Рады, что муж приехал?

Она кидает взгляд на лохматого чувака, чувак смотрит на меня, а я в свое безрадостное настоящее.

Нет. Ну нет.

Верните повязку мне на лицо, все-таки я еще сплю.

– Это не мой муж, – тихо шепчу медсестре, когда она подходит менять мне капельницу.

Тихо, потому что итак мужика “хреном” назвала, неудобно продолжать тешиться над его эго. Кидаю взгляд на дверь, за которой он только что скрылся, бросив лаконичное “поговорю с доктором”. Пусть поговорит, да, разберется в этой дикой путанице с женой, детьми, Марсельезой, или что он там плел...

– Ну а чей же? – удивляется круглощекая женщина, даже не пытаюсь шифроваться, как я.

– Не знаю, – устало откидываюсь на подушках и прикрываю глаза. – Ай! – руку обжигает очередной жгут.

– Потерпи девочка, – мягко продолжает медсестра свои болезненные манипуляции. – Вот так, – тычет в меня иглой. – Это я ему набрала. Ты сама попросила кому-нибудь позвонить, сил-то не было. Это ж как тебя так, молодую и красивую угораздило? Напал кто?

Приклеивает к руке пластырь, фиксируя иглу, смотрит на штатив с капельницей, проверяя, пошло ли лекарство.

– Не помню, – болезненно морщусь я. – Подождите, с моего телефона ему позвонили?

– А то как же. Сама его мне в руки дала. Я контакты родных поискала, нашла “муж” и позвонила.

Такая прекрасная женщина. И бредит.

– И что, прямо “муж” написано было? – скептически смотрю на нее.

– Так и было, – кивает тетенька. – Вон, как примчался. С доктором договорился, так-то тут в интенсивную терапию не пускают посетителей, – восхищается, собирая медицинские штучки от предыдущей капельницы.

Какого-то левого мужика ко мне в палату пускают. Вот счастье-то.

– А телефон мой где?

Наверняка там было написано что-то типа “муж на час” или “муж...ик Катьки”, а торопливая медсестра тыкнула не разобравшись.

– Так вот, – кивает на тумбочку. – Только он разрядился, – пожимает плечами. – А такой мудреной зарядки у нас нет, завтра новая смена выйдет, может у них будет.

– Спасибо, – благодарю, но не очень искренне. Устроила мне эта добрая женщина проблем на больную голову. Теперь разбирайся чей это лохматый лесник, и почему возле меня караулит.

Надо было звонить сестре, разве это не очевидно? Моя телефонная книга не так уж пестра на родственников!

– Ничего не жжет, не болит? – участливо интересуется.

– Нет, нормально, – чуть поддвигаю затекшую руку на кровати.

– Ты не шевелись, через двадцать минут приду, проверю. Если что – кричи.

Медсестра разворачивается и выходит из палаты, оставляя незабываемое послевкусие от российской медицины: если что, оказывается, надо кричать.

Я лежу на самой неудобной постели в мире с продавленным в районе поясницы матрасом и впервые критически анализирую сюр в котором оказалась. Я дома, вокруг зима, на мне пара приличных швов. Не был бы телефон разряжен, уже гуглила “необратимые повреждение мозга и их последствия”

Мне срочно нужен врач.

Словно по мановению волшебной палочки, в дверях появляется доктор. Высокий, красивый и темноволосый. Кажется, я только что нашла новый фетиш – белый халат и стетоскоп. Уф, если бы не швы и капельница... Я привычно цепляю соблазнительную улыбку и пытаюсь приподняться, выставив единственное богатство в районе декольте на свет. Но больничный халат создан совсем не для красочных романов в рамках белых стен. Черт.

Завороженно наблюдаю, как статный мужчина уверенно входит в палату, вытаскивает ручку из нагрудного кармана, снимает с шеи стетоскоп.

– Королёва Мария Сергеевна, – зачитывает он с бумажки и поднимает на меня глаза.

– Марина, – поправляю я, переводя дыхание.

Как это часто со мной бывает, я заморожена мужчиной. Это происходит как по щелчку – раз – и я уже вижу его в кадре. Конкретно этого – раздетым. Я купаюсь в мягком тембре, впитываю плавные движения его тела, подмечаю лучшие

ракурсы для новой истории, которую я могу поведать миру с помощью одного единственного идеального кадра. Я настолько глубоко погружаюсь в это медитативное состояние, что мужчина напротив смущается моего прямого взгляда и откашливается, пытаюсь переключить фокус внимания. Хотя темные, как земли Камбоджи, глаза выдают: ему льстит такое неприкрытое восхищение.

– Итак, Марина Сергеевна, рассказывайте, – присаживается на стул рядом, складывает папку с историей у себя на коленях. – Как самочувствие? – захватывает свободную от капельницы руку манжетой тонометра, вставляет под нее диафрагму стетоскопа.

– Как будто мне провели вскрытие черепа, а потом криво зашили, – усмехаюсь. – Что со мной?

– Сто на шестьдесят четыре, – переводит взгляд с табло прибора на меня.

– Это плохо?

– С учетом травмы – в пределах нормы, – берет ручку, делает пометку на листе поверх папки.

Я заглядываюсь на то, как под наклоном движется его рука во время письма, и в голове мгновенно вспыхивают картинки, что еще он мог бы делать вот этими волшебными руками. Где трогать и как. Азарт будоражит кровь. Даже мой диагноз сейчас не так интересен, как это завораживающее предвкушение.

– Так, а у меня... – оттягиваю ворот казенной ночнушки и пускаю немного воздуха к груди, обмахиваясь.

– Черепно-мозговая травма, сотрясение, – взгляд молодого доктора, наконец, останавливается на мне.

– Чудесно, – шепчу я.

– Нужна консультация невролога и нейрохирурга, чтобы исключить сопутствующие травме риски, – добавляет мягким тембром.

– Прекрасно.

– И психиатра, – приподнимает уголок тонких губ.

– Мне не помешает, да, – смеюсь в ответ.

Небольшой невинный флирт на основе моих травм ведь не выходит за рамки врачебной этики, да? А там я выпишусь... Давненько я не собирала такие экземпляры на просторах России-матушки.

– А скоро мне можно будет домой? – спрашиваю невинно.

– Когда получим результаты анализов, проведем полную диагностику.

– Знаете, я ведь фотограф, – вставляю фирменную фишку, пытаюсь еще немного приподняться, но мешает злополучный катетер. Не самая выигрышная поза. – Камера не сможет долго без меня. А я без нее. Если задержите меня здесь, придется брать в объектив вас.

– Я не фотогеничен, – усмехается доктор, снимая с моей руки манжету тонометра.

– У вас очень выразительные руки, так и просятся в кадр, – кладу ладонь поверх широкого мужского запястья. Легко прохожусь подушечками пальцев по теплой коже и тут же убираю.

Словно и не было. Крючок работает безотказно. Взгляд доктора прожигает во мне дыру, я уверенно отвечаю.

– Кхм, Жень, можно тебя? – раздается от двери.

Мы с очаровательным доктором вскидываем глаза на проем, я, к своему неудовольствию, обнаруживаю там чьего-то благородного мужа, которого я недавно одарила эпитетом “хрен”. Надо бы извиниться, поблагодарить, что рванул к несчастной едва знакомой женщине, и отпустить с миром. Чего он все еще здесь трется?

Почти пойманный в мои сети врач кивает, поднимается с места и направляется в сторону слишком рьяно взявшегося за меня незнакомца.

Потасканный жизнью мужик недобро сверлит меня взглядом, все больше напоминая лесоруба из американских триллеров. Словно сейчас вытащит из-за спины топор и...

Надеюсь, мой милый доктор будет жить?

Глава 4

Михаил

– Ну что, Жень? – складываю руки на груди, привычно пряча ладони.

– Не Женя, а Евгений Александрович, попрошу, – стучит ручкой по бейджу на груди. Приколист хренов.

– Да хорош. Что с ней? – киваю на дверь палаты, от которой мы отошли на несколько шагов.

– Как и говорил, черепно-мозговая, но сознание не спутанное, речь в норме, думаю обошлось, в порядке будет твоя благоверная, – щелкает ручкой и убирает ее в нагрудный карман.

Пропускаю мимо ушей это его “благоверная”, сосредотачиваясь на главном.

– Скоро выпишешь?

– Ты куда торопишься? Еще анализы не все пришли, обследование нужно сделать, нескольких врачей пройти.

– Мать долго с сыном сидеть не будет, ты же знаешь. А у меня крупный заказ сейчас, совсем без вариантов.

– Придется что-то придумать. Такие травмы несут сопутствующие риски, возможно проявление невидимой при первичном анализе симптоматики: внутричерепная гипертензия, гидроцефалия, ишемия, отек мозга...

– А нормальным языком ты сказать можешь, не для заучек с медицинского? – устало потираю лицо ладонью. Как это все не вовремя, боже.

– Нормальным языком: дай работать врачам, если не хочешь в итоге получить овощ.

– Она, вроде, ничего, – пожимаю плечами, снова бросая взгляд на дверь. Странная только. Но после такой травмы это нормально. Наверное.

– Ничего, – расплывается в своей классической улыбочке бывший одноклассник. Всю жизнь ему эта улыбка всё на блюдечке подносила. – Мне даже показалось, флиртвала со мной, – хмыкает.

Мне тоже так показалось. И это то, что я предпочел бы не видеть.

– Не обольщайся. Она занята, – кидаю на него прямой твердый взгляд, обозначая свою территорию. – Мне показалось, она не узнала меня, когда проснулась, – задаю интересующий меня вопрос.

Красноречивое “хрен” еще висит в воздухе.

– Ты б брился почаще, может, узнала бы, – Женька разворачивается в сторону своего кабинета и кивком приглашает двигаться за ним. – А вообще, легкая дезориентация после пробуждения – это норма. Сегодня придет невролог, протестирует ее по тесту комы Глазго, увидим, есть ли глубокие повреждения. К концу дня будет более подробная картина.

Открывает дверь кабинета, проходит к столу, заваленному папками.

– Ты мне напишешь? – опираюсь на косяк.

– Конечно. Повезло, что сюда привезли, иначе сидел бы ты за дверкой какой-нибудь приемной и скулил от неведения, – перекладывает бумажки на столе, отпуская остроты. – А ребенка в соцслужбу бы определили до установления родства. Это же надо навернуться на детской площадке, – снова хмыкает.

Самому интересно как это вышло.

– Да, спасибо за Марса, – говорю без уверток. – И ребятам своим дежурным передай благодарность, не уверен, что все бы так к ребенку отнеслись.

– Ты знаешь, какая нынче валюта благодарностей, – говорит старый друг, присаживаясь в кресло.

Я киваю, понимая все без лишних слов. Будут им благодарственные пакеты.

– Я зайду к ней перед уходом?

– Ненадолго. Скоро на МРТ повезут.

– Спасибо, – в это простое слово вкладываю искренние эмоции. Я на них скуп, Женька знает, но признательность всегда в чести.

По коридору проезжает тележка с тарелками, наполненными кашей, которую толкает дородная женщина в халате. Кидаю взгляд на часы, если уже время завтрака, значит, я опаздываю. Навстречу идет еще одна работница, покрасневшая, с тарелкой в руке.

– Королеву подложили, – кривит лицо, обращаясь к коллеге. – Не будет она, видите ли, кашу на молоке.

– Ну пусть голодная сидит, – фыркает вторая, открывая двери соседней с Марусей палаты.

Знаю я эту королеву.

– Ты почему не ешь? – спрашиваю, входя в палату.

Маруся хмурится, смотря в одну точку на криво окрашенной стене напротив кровати. На мой голос оборачивается и одаривает меня скольльзящим взглядом.

– Я не употребляю коровье молоко, – кривит свой маленький носик. – Разобрались с врачом?

И все же да. Странная. Не пойму, что с ней не так, но нутро кричит, что где-то подвох.

– Придется полежать, – прохожу в палату. – С каких пор такая ненависть к молоку? – присаживаюсь на стул рядом. Надо обсудить, что будем делать с Марселем, он долго без нее не сможет, мама еле уложила его этой ночью. Но скидывать на нее эти проблемы с порога не хочется.

– Всю жизнь, – коротко отрезает.

Ну да. Семь пятниц на неделе. Сегодня пьет молоко – завтра нет, сегодня клянется в любви, а завтра...

Она опирается на кровать и приподнимается, откидываясь спиной на изголовье. В разрезе больничной рубашки мелькают острые ключицы, которые невольно притягивают взгляд. Я выпускаю задержавшийся в легких воздух.

Как давно это было.

– Что с волосами? – переключаюсь выше.

Не сразу понял, что в ее внешности так терзает глаз: привычные светлые локоны теперь отсвечивают сакурой. Думал, меня уже не удивить. Но она всегда умела.

– А что с ними? – дотрагивается кончиками пальцев до собранных на затылке волос.

– Они розовые.

– Да? Прикольно, – ее губ касается легкая улыбка.

И это тоже было давно. Я забыл, когда она улыбалась так мне.

– На работе не против?

– А почему они должны быть против? – отвечает вопросом на вопрос.

Значит, не хочет идти на контакт. Ладно. Я рассматриваю ее долгим взглядом. Нет, все же что-то не так. Вроде она, и всё её – прямой нос, яркие губы, плавная линия шеи и острые манящие ключицы, всё, что покорило меня при первой встрече – а чувство, словно вижу ее впервые.

Или это последствия наших необдуманных решений? Может, мы поспешили ставить нашу жизнь на паузу?

– Послушайте, – начинает она после непродолжительного молчания. Взгляд отводит к той самой невидимой точке на стене. – Спасибо за внимание, и за то, что приехали. Но не стоило, правда. Если вы знаете контакты кого-то из моих близких знакомых, свяжитесь с ними, пожалуйста. Этого будет более, чем достаточно.

Маруся возвращает взгляд мне и заглядывает своими светло-зелеными глазами прямо в душу. И только сейчас я понимаю, что на самом деле с ней не так. В ее взгляде нет узнавания. Он пустой и безразличный.

Там нет меня.

Глава 5

Марина

– Расскажите о последних событиях, которые вы помните до травмы, – милый доктор вернулся и снова весь мой. Жаль, не он один.

Угрюмый благодетель тоже тут. Сидит на стульчике, подпирает лоб ладонью. Угрюмо. Это же какое чувство ответственности надо иметь, чтобы не отходить от малознакомой, а может и вовсе незнакомой женщины? Я все склоняюсь к версии “мужа на час”, который решил поиграть в благородного рыцаря, когда ему позвонили. Или срубить бабла за функцию “посидеть у постели тяжело больной женщины”.

В любом случае, мне это не нравится. Я бы предпочла остаться со своим будущим арт-объектом наедине.

– Я была в Греции, – отвечаю уверенно несмотря на то, что врач светит мне в глаза каким-то фонариком, вызывая новый приступ головной боли. – Вы бывали на Санторини, доктор?

Прекрасный темноволосый мужчина переворачивает мою руку и ведет по чувствительной коже железным наконечником фонарика, я смеюсь от щекочущих ощущений.

– Нет, не доводилось, – отстраненно отвечает он. – И как там? – он бросает какой-то непонятный взгляд на мужика, издающего тяжкий вздох.

– Самые прекрасные сыр и вино, которые я пробовала, самые красивые закаты, что фотографировала. Вам стоит запланировать отпуск, доктор, я бы порекомендовала вам лучшие места и виды.

Губ касается легкая полуулыбка. Флиртовать с мужчиной в больничной палате, в халате в цветочек, на фоне левого мужика? Вызов принят!

– Что последнее помните? – игнорируя мое красноречивое предложение экскурсовода, врач переходит к моим ногам. Приподнимает одеяло, перехватывает ступню широкой ладонью. У меня в ответ перехватывает дыхание. Не только от вида его светлой кожи на моей загорелой, но и потому, что это одна из самых эrogenных зон в моем теле.

Металл снова скользит по коже, приливая кровь к низу живота. Да, продолжайте, доктор.

– Щекотно, – выдыхаю я. А сама заливаюсь жаром. Уф, с такими медицинскими процедурами я не прочь здесь задержаться. Что он там спрашивал?

– Хорошо, – вынимает из кармана ручку, щелкает стержнем, берет в руки неизменную папку, чтобы сделать пометки. – Так что последнее помните? – спрашивает, не поднимая головы.

– Эм, – напрягаю извилины. Наверное, про страстного грека упоминать не стоит? – Санторини, крепость святого Николаса, закат. Я упала. Точно. Честно говоря, понятия не имею, как оказалась на родине, – смеюсь, будто это такая мелочь.

Правда, ну мелочь же. Упала там в августе, очнулась тут зимой. Неожиданное понимание ситуации накатывает волной страха. Я успела уже попаниковать лежа в снегу с пробитой головой, но сейчас кажется, та паника была недостаточно объемной. Вот то, как перехватывает грудную клетку сейчас уже больше похоже на реакцию нормального человека.

Запоздалая ответка от нервной системы – это тоже последствия травмы?

– Когда она была в Греции? – мой прекрасный врач обращается к мужику, растирающему лоб с видом уставшего от жизни лесника. Ему-то откуда знать?

– Я не знаю, она много ездит, – тихо подтверждает мои слова.

Боже, мы же даже не были знакомы в тот период! Не уверена, что и сейчас знакомы достаточно близко. Допускаю, что он все-таки чей-то муж. Кто умудрился подцепить этого йети? Катька, моя единственная подружка с универа, с которой мы видимся ровно раз в год? Или моя странная соседка по лестничной клетке, что искренне считает нас подругами, когда стучит в полвторого ночи в дверь, спрашивая про презики? Больше я ни с кем на постоянной основе не пересекаюсь, а значит других общих знакомых у нас быть не может.

Я пытаюсь дышать глубже, не давая себе уходить далеко в размышления. Мне хорошо известно, как быстро я могу впасть в удушающее состояние полного отсутствия контроля над телом. Повышенная эмоциональность – не диагноз, но путь к постоянному дискомфорту в жизни. Поэтому я стараюсь ни на одной

мысли не останавливаться долго и всегда идти куда-то вперед. Это помогает.

Но сейчас двигаться некуда.

Я в палате с дырой в башке, вокруг только мерзкие зелено-белые стены, а телефон – единственный источник информации – в отключке.

– Какой сейчас месяц? – спрашиваю, обращаясь к врачу.

– Февраль.

– Полгода, – едва выдыхаю я, прикрывая глаза.

Ладонью пытаюсь притормозить разогнавшееся сердцебиение. Вот это меня стукнуло.

– Но как? – голос хрипит. – Как это возможно, куда делись полгода? – распахиваю глаза и тут же натыкаюсь на два тяжелых взгляда.

– Ретроградная амнезия не такое уж редкое последствие черепно-мозговой травмы, – красивый безжалостный доктор присаживается на край больничной койки и смотрит мне прямо в глаза. Мягко и с жалостью. – Не стоит переживать. Как правило, при своевременной диагностике память удастся вернуть за несколько дней интенсивной терапии.

– А если это не полгода? – хриплый мужской голос разносится в тишине палаты особенно устрашающе. – Не кратковременная потеря памяти?

В каком это смысле, йети?

– Сложно прогнозировать без подробных анализов, – хмурится темноволосый эскулап. – Какой сейчас год? – снова обращается ко мне.

– Две тысячи двадцатый, – выдыхаю, понимая, куда идет этот разговор.

Но этого же не может быть? Это же только в дешевых сериалах героиня теряет несколько лет своей жизни и приобретает новую личность. А где-то на фоне обязательно маячит злодей, что не преминет воспользоваться ситуацией. Ну что ж, Марина, ты хотела в Бразилию? Бразилия пришла сама. Со всем своим карнавалом и тупыми сценариями прямо тебе в голову.

– Сколько? – шепчу онемевшими губами.

Врач и мужик с кислой миной переглядываются. Я начинаю психовать. Машины уже летают? Мне сорок? Россию захватил Китай?

– Ну! – сажусь в кровати, не в силах больше лежать.

– Полтора года.

Ладно. Хорошо. Это не так страшно, как я себе представила. За полтора года мало, что могло поменяться. У некоторых людей – вообще ничего. У меня – волосы. Все нормально. Нормально.

– Ла-а-адно, – снова откидываюсь на подушку, смотря в успокаивающие омуты глаз красивого врача. Он касается моей руки, я улыбаюсь и решаю не истерить, падая в его глазах ниже плинтуса. – Это можно пережить.

Уверенно киваю, доктор кивает в ответ, мягко сжимая мою ладонь.

– Мы женаты, – нетерпеливо врывается в разговор бородатый. – У нас ребенок.

А вот это пережить уже сложнее.

– Хорошо, а где кольцо?! – победно вскидываю правую руку, демонстрируя полное отсутствие украшений.

Этот поединок в формате “вопрос-ответ” разгорается все сильнее. Потому что я ему не верю! Не верю! Засыпаю миллионами каверзных вопросов, но он на все находит ответ: и как звали бабушку, и какой институт я окончила, и сколько раз

я умудрилась подхватить менингит. Словно выучил краткую инструкцию по моей жизни.

– Мы отказались от этой формальности, – устало говорит йети.

Черт, очень на меня похоже.

Я тяжело опускаю кисть руки на одеяло, полная отчаяния.

Мой свежее испеченный муж в очередной раз громко выдыхает воздух и протирает лицо большой ладонью. Все его тело кричит о том, как ему некомфортно: и эта подрагивающая нога, закинутая на колено, и тяжелый немигающий взгляд исподлобья, и беспокойные пальцы, то и дело, теребящие бороду. Неаккуратную патлатую бороду.

Как будто мне легко!

Да я здесь самая настоящая жертва! Сначала коварного льда и металлического турника на детской площадке (но это все со слов бригады скорой помощи, что меня из-под него вытаскивала), а теперь наглого надувательства!

Какая я к черту мать? А жена? Глупость несусветная.

– А печать в паспорте – тоже формальность? – ехидно прищуриваюсь. Требую паспорт и немедленно!

– С прошлого года печати в паспортах ставятся по желанию, – он распутывает ноги и опирается на них локтями, исследуя потертый больничный пол пристальным взглядом.

– А у нас, очевидно, его не было? – расплываюсь в кровожадной улыбочке. – Я потеряла воспоминания, а не половину мозга! Мы в стране вековой бюрократии, здесь штамп штампом погоняет, – всплескиваю руками, радостная, что его подловила.

Йети, он же сибирский лесоруб, судя по мохнатой парке, которую он с себя не снимает, молча лезет в карман и достает оттуда телефон. Что-то быстро

печатает, поднимается со стула и делает шаг ко мне, разворачивая смартфон экраном.

Читаю крупный заголовок: “Отмена штампов о браке, детях, ранее выданных паспортах...” Две тысячи двадцать первый год. Да чтоб его!

– А свидетельство о браке? – не устаю гнуть свою линию.

– Поищу, – коротко кивает, возвращаясь на свое место.

– И что, как это было? – наконец, сдаюсь.

Откидываюсь на подушку и в очередной раз прохожусь взглядом по незнакомому мужчине. Лесоруб, как он есть. Дать топор в руки и можно смело разжигать огонь. Грубые ботинки на толстой подошве, джинсы с каким-то пятном на колене, жуткого вида серый свитер, виднеющийся из распахнутой куртки. И конечно, заросли на лице. Абсолютное попадание в мой стоп-лист.

– Что именно?

– Свадьба.

– Просто распись. Поужинали в ресторане.

И это тоже очень на меня похоже.

– А медовый месяц? – переворачиваюсь на бок, подкладывая руку под голову.

В моей голове рождается очень яркая картинка: огни Амстердама, ночные клубы, улица Красных фонарей. Разве что-то может быть романтичнее для молодоженов? Никогда не думала о свадьбе, но, если б захотела связать с кем-то жизнь – начали брак именно с этого приключения.

– Ты была не в состоянии на тот момент, мы отложили полет, – сверлит взглядом штукатушку над моей головой.

– Не в состоянии? – удивляюсь. Меня даже подозрение на аппендицит не остановил от переправы по Ла-маншу.

– Беременность, – очередное краткое пояснение.

Я издаю громкий стон. Успела забыть об этом факторе “Р”. Но в моей картине мира для ребенка просто нет места, я не могу представить себе, как он выглядит, что говорит, как я держу его на руках. Я вообще ничего о младенцах не знаю. Кроме того, что никогда о них не грезил.

– Марселю девять месяцев, – думает, я высчитываю, сколько ему может быть.

– Марсель? – удивляюсь. Я уже слышала из его уст это имя, но никак не связала с ребенком. – Кто так подставил пацана?

На секунду лицо йети преображается, становится мягче и интереснее. Я не сразу понимаю, что так на него повлияла легкая улыбка, коснувшаяся одного уголка губ, спрятанных под кустарником.

– Ты.

– Seriously? – перебираю в голове всех мужчин, в честь кого могла бы так извратиться, но ни одного примера так и не нахожу. – Похоже, гормоны сыграли со мной злую шутку, – хмыкаю, упираясь носом в матрас. – Почему не образумил? – обращаюсь к мужу.

– Ты умеешь приводить доводы.

И снова весьма точная характеристика. Он действительно меня знает.

– Я дал свою фамилию и отчество, ты – имя. Все честно.

– Я не взяла твою фамилию? – вспоминаю, что на больничной карточке сияет моя девичья с инициалами.

– Нет.

– И какая у тебя фамилия?

– Потапов.

– Понятно почему, – смеюсь я.

Звучную Королёву променять на вяжущую язык Потапову? Не об этом я в детстве мечтала.

– Потапов, – пробую ее на вкус. Нет, категорически не отдает дворянским происхождением. – Потапов Марсель.

Произношу и заливаюсь хохотом. Слегка болезненным и нервным, но и то отдушина. Нет, я безумна, совершенно безумна. Или ненавидела это чадо в утробе. К моему похрюкиванию в цветастое одеяло добавляется тихий несмелый смешок. Кидаю взгляд на йети и снова подмечаю какие-то интересные метаморфозы. Сбравшиеся морщинки возле глаз должны отталкивать, но вместо этого оживляют хмурый собранный из противоречий образ. Так мне нравится больше. Может, это странное тепло, что маленьким огоньком разгорается внутри – отголоски нашего совместного прошлого? Чем-то же он меня покори́л? Может, улыбкой?

– И как мы зовем его сокращенно? – продолжаю допрос, заглядывая в потеплевшие глаза.

– Марс.

– Как шоколадку??? – я снова взрываюсь хохотом.

«Муж» присоединяется. Мы громко смеемся, оба, конечно, понимая, что это всего лишь реакция нервной системы на все, что происходит.

– У нас странная семья, – прерывает, наконец, тяжелый смех мужчина напротив.

– Вот в это я могу поверить, – прикрываю нижнюю часть лица одеялом и не отрываясь смотрю на мужа.

В то, что добровольно выскочила замуж и тут же запрыгнула в вагон материнства – нет. А вот в то, что из этого в итоге получилось нечто странное – весьма.

Глава 6

За окном автомобиля мелькает грустный пейзаж российских будней. Нечищенные тротуары, серые фасады домов, тусклые безрадостные витрины. И как завершение депрессивной картины – тяжелое небо над головой, давящее плитой. Вот почему я никогда не провожу зимы в Москве. Не проводила.

Огромный уродливый пикап рассекает дорогу с мягким шуршанием, в салоне остро пахнет древесиной, но я не задаю вопросов. Я все уже для себя поняла: грязные ботинки, мозолистые пальцы, багажник, заваленный какими-то досками – мой муж обычный рабочий, без претензий на перспективы. Еще один пункт в задачи дня: постараться принять этот факт и не закатывать глаза, раздражаясь на собственный выбор. Чертов плотник, с которым нет ни единой точки соприкосновения.

У меня, какой я себя знаю.

Поток машин уплотняется по мере того, как мы приближаемся к спальным районам. Дома становятся ярче, выше, более “гудящими”. Человеческие муравейники, обреченные на многолетнюю клетку. Ад на земле.

Чтобы отвлечься от неприятного чувства, растекающегося неправильностью происходящего в груди, я снова включаю телефон. Листаю галерею отработанным движением пальца, критично вглядываясь в каждый кадр. Она забита фотками маленького человека. С тех пор как мне добыли зарядку, это мое единственное занятие: рассматривать снимки, сделанные моей рукой – здесь нет никаких сомнений, свой профессиональный почерк я узнаю везде – и читать про таких же неудачников, как я, что очнулись в новой для себя жизни. Теша себя надеждой, что терапия поможет уже сегодня.

И теперь, после нескольких дней обследований и сопротивления фактам, мне предстоит окунуться в эту новую жизнь с головой и по самые ягодицы. Потому как ситуация – полная фигуристая жо...

– Ты как? – откашливается йети за рулем.

– Ничего. Голова болит. Нормально, – перенимаю его манеру к односложным ответам.

Как там говорят: муж и жена одна сатана? Сатана из меня отменная.

– Заеду в аптеку, когда поеду за Марселем, привезу все по списку, – слегка барабанит пальцами по рулю, не отрывая взгляда от дороги.

– Спасибо, – киваю, хотя знаю, что он не видит.

Он ведет себя как примерный супруг: сдержан, нетороплив, заботлив. Наверное, это и есть та самая каменная стена, за которую все так цепляются в жизни. Может, права была сестра, прогнозируя, что когда-нибудь я тоже “набешусь”? Она-то всегда была более прагматична и нацелена на обыденные вещи: карьера, семья, квартира. Два из трех пунктов в ее арсенале были реализованы сполна. Бабушкина квартира – наследство, на которое я претендовала не больше трех месяцев в году – полностью в ее распоряжении, успешная карьера с хорошим доходом также в реализации. С горем пополам ее сожителя вот уже седьмой год тоже можно было назвать ступенькой к воплощению четкого жизненного плана.

Не то что у меня, всё богатство – чемодан и Кенни, приносящий доход на любимую мной свободную жизнь.

Где же ты, систер? Сменила номер? Укатила в отпуск, следуя моему совету, быть подальше от депрессивной зимней Москвы, выжигающей из тебя всю радость? Кто ответит на вопросы, которые я не могу задать это хмурому лесопилу рядом? Уж точно не Катька, игнорирующая мое сообщение уже третий день.

Прислоняюсь лбом к стеклу, ловя в боковых зеркалах отражение огромных колес нашей несуразной тачки. Более уродского изделия автопрома представить невозможно. Не машина – муравей без жопки. Всегда задавалась вопросом, кто

такие покупает, когда видела их на дорогах. Вот, оказывается, кто. Мой муж. Возможно, это даже совместная покупка, в семьях же обсуждают такие бездарные вложения средств?

Снова кидаю взгляд на Михаила. Миша. Перекаत्याю имя на языке – не ложится, чужеродно. Может, я звала его как-то типа “кися”? Из рта вырывается смешок, который я прячу в вороте пуховика. Ничего кроме “йети” на ум не приходит. Пытаюсь представить, что-то более интимное, что должно отозваться внутри: как он снимает с меня одежду, гладит чувствительную кожу живота, покрывает поцелуями шею, спускаясь ниже. И тут же морщусь, чувствуя только фантомную щеку и дискомфорт. Не могу представить нас счастливыми, не отрывающимися друг от друга молодоженами. И уже точно никак – ответственными родителями, планирующими беременность.

Все это какая-то глупая нелепость. Я и он. И сын.

Снова включаю экран телефона, залезаю в галерею и в тысячный раз пытаюсь разглядеть в пухлощеким пацане себя. Пожалуй глаза, да – мои. Зеленоватые бусины, радостно смотрящие на мир, уверена, приложи мои детские фотки – будет один в один. Но все остальное – совершенно чуждо и не вызывает ни единого отклика в груди, кроме любопытства. Незнакомая беззубая улыбка, незнакомый маленький нос. Как это вообще работает? Должен же включиться какой-то тумблер внутри, который громко оповестит мозг: ты – мать! Но коварный разум играет в прятки, хотя я уже досчитала до десяти и даже крикнула “сдаюсь”.

– Приехали, – вырывает из размышлений тихий голос.

Бросаю взгляд в окно, отстегиваю ремень.

– Подожди, – останавливает муж, когда я хватаюсь за дверцу ручки.

Выходит из машины, огибает капот и открывает пассажирскую дверь, протягивая мне руку.

– Высоко, – словно объясняет свой мужской порыв.

Я давлю очередную улыбку. Хмурый-угрюмый, немногословный, но есть в нем то самое прямое мужское начало, что подкупает. Вкладываю ладонь в протянутую руку и по коже рассыпаются мелкие иголочки. Очень необычное чувство: грубая кожа касается моей, привыкшей к нежности, и отзывается. Наверное, вот они первые проблески узнавания родного человека. Не удерживаюсь от того, чтобы заглянуть в грозное небо глаз напротив и рассмотреть что-нибудь там, на их глубине. Может быть ту самую необъяснимую, но безграничную любовь, что нас, таких разных, объединила?

Но Миша избегает прямого взгляда. Смотрит на мою руку те две секунды, что держит, и отступает. Захлопывает за мной дверцу, закрывает машину с ключа.

– Третий подъезд, – машет головой в сторону многоэтажки, у которой мы припарковались.

Я задираю голову и рассматриваю шестнадцатиэтажное здание, обшитое синими панелями. Муравейник, как оно есть. Набираю морозного воздуха в легкие и шагаю за мужем.

Новая жизнь сама себя не проживет.

Странно, но я чувствую легкую дрожь предвкушения в момент, когда двери лифта разъезжаются, и мы попадаем на лестничную площадку. Точно такое же чувство я испытываю, когда самолет приземляется в неизвестном мне новом месте. Щекочущие пузырьки в животе, легкий озноб на затылке. Возбуждение.

Что-то новое меня всегда будоражит. Даже если я предчувствую абсолютное разочарование.

Я нетерпеливо притопываю кроссовками по плитке подъезда, пока муж открывает дверь ключом. Делает два звучных оборота, немного надавливает плечом на дверное полотно и дергает ручку.

Я как та девочка, что обнаружила Нарнию за простым шкафом: делаю первый шаг и широко распахиваю глаза. Включается свет, дверь позади захлопывается. Я выискиваю следы своей прошлой жизни: разбросанные цветастые вещи, миллион журналов, обертки от мятных леденцов – всё, что выдаст мою натуру с порога. Но встречаюсь лишь с идеальной картинкой икеевского разворота: все

до сахарной комы белое и обезличенное, квадратное и пустое. Даже детская коляска, перекрывающая проход в одну из комнат – огромная, белая, устрашающая. Особенно устрашающая. У нас разве не младенец?

Оседаю на мягкий пуфик у порога – единственное цветное пятно этой стерильной камеры – и расшнуровываю обувь.

– Почему ты в кроссовках? – напоминает о себе заботливый муж.

– Эм, я в них была, когда меня привезли, – стягиваю один с пятки и смотрю на Мишу.

– Ты гуляла с ребенком в кроссовках? Зимой? – его брови надвигаются ниже на глаза, и я испытываю неловкость. Действительно, в пуховике и кроссовках? Дичь.

Снимаю второй и заглядываю внутрь.

– Они зимние! – с победной улыбкой вытягиваю совсем новенькие найки ему в лицо, демонстрируя мех.

– Странная, – еле слышно произносит супруг, отворачиваясь и отодвигая зеркальную дверцу шкафа.

Снимает с плеч страшную депрессивного цвета куртку и ловко устраивает на вешалке, я расстегиваю свой ярко-красный пуховик и протягиваю ему. Пока муж развешивает вещи, подмечаю, что гардеробная почти пустая.

– Мы недавно переехали? – вырывается у меня.

Миша поворачивается и одаривает меня долгим пристальным взглядом. “Подбирает слова” – почему-то приходит мне на ум. Но в итоге выбирает только прозаичное:

– Нет.

Как емко. Незаметно закатываю глаза и оборачиваюсь, исследуя длинный коридор. Так и не найдя ничего интересного в пустых белых стенах, делаю уверенный шаг к ближайшей комнате и сразу же издаю несдержанный визг.

Да! Вот это точно моя комната.

С радостной улыбкой подхожу к огромной кровати, заваленной шмотками, спотыкаюсь о раскрытый чемодан у ног и хохочу, падая в ворох одежды. Она даже пахнет знакомо! Беру в руки свой любимый туристический комбез, без которого перелет – не перелет и подношу к носу. Запах дороги буквально въелся в волокна потрепанной ткани.

Наконец-то, оазис спокойствия, посреди пустыни безумия. Все хорошо, я дома.

Ободренная первыми находками, под стук сердца, охваченного азартом, вскакиваю и принимаюсь выискивать новые улики. На тумбочке у кровати нахожу пару бесплатных журналов от авиакомпаний, что пихают в кармашки сидений перед полетом; россыпь монет и пару банкнот. Классика: забить карманы под завязку, а потом засорять все поверхности в квартире.

Прохожусь взглядом по стенам, они все так же отвратительно стерильны, как в коридоре, по шторам – похороните меня в этой шоколадной депрессии, и наконец, замечаю на полу грузные рамки со стеклом, прислоненные к одной из стен. Я знаю, что это!

В несколько шагов пересекаю комнату и разворачиваю находку лицевой стороной. Мои фотографии!

Пульс ускоряется, разгоняя бешеный восторг по венам. Впервые за несколько неуютных дней я чувствую себя собой. Мои новая жизнь – не новая, лишь продолжение старой. И вот доказательство, что ничего не в прошлом, прошлое все время со мной. Выставляю рамки в ряд – четыре фотографии.

Залипаю на утопающие в облаках поля Тосканы, вспоминая пронизывающий ветер, который еще долго откликался першащим горлом, провожу пальцами по яркой станции стокгольмского метро, прозванной “входом в ад” и останавливаюсь у цветущей сакуры на горе Фудзи, запечатанной под стекло. Сердцебиение учащается еще на десяток ударов в минуту. Я собиралась туда

только следующей весной. Добралась.

– Удивительно, – выдыхаю, очарованная. Какой удачный кадр, невероятный.

Меня захватывают эмоции, глядя на пастельные цвета, в которые окрасилась природа. Многослойное небо, воскрешение жизни в нежных цветах, остроносый храм на горе. Я была там, чувствовала сладковатый запах цветения, дурманный восторг атмосферы. Уверена, если я очень постараюсь, смогу все это вспомнить. Прикрываю глаза для большего эффекта и моделирую фотографию в проекции, пытаюсь представить, где стою, кто со мной рядом, сколько кадров использую, чтобы поймать лучший вид. Но все это лишь игра воображения, ничего не просыпается. Воспоминания все так же спят мертвым сном.

Словно я наглоталась феназепама.

Поджимаю губы от раздражения и распахиваю глаза.

Где этот хваленый оптимизм, на который все уповают? Сейчас во мне только злость.

– Красиво, – разносится приглушенное сзади.

Я дергаюсь и подпрыгиваю на месте. Этот мужчина не только неразговорчив, как тибетский монах, но и обладает способностью передвигаться бесшумно, словно ниндзя. Какие еще таланты сокрыты в этом не примечательном на первый взгляд человеке?

Кидаю на него мимолетный взгляд из-за плеча и снова смотрю на фотографии.

– Это мои, – утверждаю, а не спрашиваю.

– Мне нравится, – обходит меня по дуге и останавливается возле Гальштата в сумерках.

Не самая любимая мной работа. Странно, что решила выделить ей такую почетную роль – скрасить унылый фасад безликой квартиры. Как красиво здесь

смотрелись бы мои любимые ч/б мужчины... Скольжу взглядом по комнате, будто примеряясь, и натыкаюсь на серые грозовые глаза. Кажется, этот йети заглядывает в самую душу и считывает мои мысли на раз-два, но я не смущаюсь. Выдерживаю тяжелый взгляд и спрашиваю, отвлекая от этой странной игры:

– Почему не повесили их?

Миша набирает в легкие воздух, проводит рукой по лицу и отворачивается.

– Не знаю, – ведет плечом.

Ощущение, что он хотел сказать что-то другое.

Заводит руку за голову, потирает шею, отступает на шаг. Впервые мне кажется, что я его пугаю. Забавная мысль. Такого огромного и сурового и пугаю.

– Послушай, – выдыхает он, отворачиваясь к окну. – Нужно кое-что обсудить... – кидает взгляд на кровать.

Ну конечно!

– Думаю, что пока не познакомимся чуть ближе, кто-то поспит в другой комнате, – опережаю его.

Не то, чтобы я против эм... простимулировать память, но, честно говоря, он выглядит настолько растерянным, что боюсь, начнет тыкать не туда. А это не предел мечтаний для девушки в моем состоянии.

Михаил резко разворачивается, смотря на меня совершенно ошарашенным взглядом. Что? Неужели готов был кинуться на амбразуру восстановления моей памяти со всей прытью? Губ трогает едва сдерживаемая улыбка. В принципе, если приглушить свет, задернуть шторы, вручить ему хорошую бритву...

Я чуть наклоняю голову, изучая силуэт мужчины в полный рост. Вообще, перспектива на лицо: крепкие ноги, широкие плечи, где надо – бугор. За что-то же я должна была его полюбить, так почему не за отличную мужскую генетику? Муж рассматривает меня в ответ. Так, словно это он потерял память и впервые

видит меня.

Затем делает очередной шумный выдох и быстро выходит из комнаты.

– Я за Марселем, – информирует, уже вдевая ноги в ботинки.

– Ты обижаешься? – выхожу в прихожую вслед за ним.

– Нет, – следует мгновенно. – Совсем нет, – хмыкает, но не насмешливо, а скорее растерянно.

– Хорошо, – пожимаю плечами. – Скоро вернешься?

– Часа через два.

Я киваю. Окей.

Миша выходит, закрывает за собой дверь на ключ. Я отправляюсь исследовать свою квартиру дальше. Так странно, кроме того островка с моими следами в спальне – все совершенно чужое. Особенно детская.

В конце концов оседаю на кухне. Вытаскиваю из холодильника початую бутылку испанского вина – любимого – наливаю бокал и делаю большой глоток.

Оптимизм это все, конечно, хорошо, но вы пробовали пить?

Глава 7

Пару глотков вина, влитые в нетренированный организм, делают свое дело. Я немного расслабляюсь. Забираюсь на стул с ногами, опираюсь спиной на батарею, я теплолюбивое существо и, если в этом доме у меня и есть любимое место – это почти наверняка оно. Здесь мягкие подушечки на стуле, широкий чистый подоконник и отличный вид из окна, если правильно сесть. До холодильника – ровно вытянуть руку, а буквально под носом розетка. Можно

зависнуть тут на часы.

Я стягиваю белые носочки, выдавшие больничные полы, и разворачиваюсь к окну боком, чтобы согреть холодные пальцы о батарею. Вино в бокале заканчивается довольно быстро, где-то между “почему это случилось со мной” и “возможно, активные физические нагрузки в горизонтальном положении спасут ситуацию”. Уповать на то, что в итоге все мои проблемы решит мужчина – так на меня похоже. Всегда проще найти человека, который облегчит тебе путь, чем лезть покорять горы в одиночку. А разве разобраться с новой жизнью не самые настоящие горы?

Тянусь к бутылке и наливаю еще полбокала. Для храбрости. Обычно мне она не требуется, но как вспомню эту бороду...

Открываю дверцу холодильника и ставлю бутылку охлаждаться, как знать, возможно мне понадобится еще допинг. Закрываю дверцу и ловлю свой взгляд в её зеркальной поверхности. Возможно, допинг понадобится и моему мужу. Я выгляжу не айс.

Повязку сняли и некрасивые швы над бровью торчат нитками, которые снимут только через пару дней. А наливающаяся желтизной гематома от носа до правого виска придает образу некоторую... нотку “женщины, выдавшей виды”. Потёсанной и жалкой. А жалкой мне быть не нравится.

Встаю со стула и шлепаю до ванной комнаты. Там и освещение больше и зеркало лучше.

Черт.

Чудовище Франкенштейна. Гламурная версия.

Волосы ожидаемо скрутились грязными розовыми паклями, как я ни старалась привести их в порядок над раковиной в палате. Идеальное дополнение к образу. Включаю воду, переключаю с крана на душ. Стягиваю спортивный костюм и залезаю под струи. Помню, что мочить швы категорически нельзя, поэтому намываю голову в позе, которой позавидует любой практикующий йог. Под ноги течет окрашенная розовым водичка, смывая с меня цвет. Интересно, что сподвигло меня на этот эксперимент, уж не вынужденная ли зимовка в России?

Мне всегда нравился мой натуральный от природы пепельный блонд, особенно в моменты, когда он выгорал под жарким солнцем очередных островов.

Не нахожу свой шампунь, которым пользуюсь много лет и приходится воспользоваться тем, что стоит на бортике ванны. Он немного другой текстуры, непривычный. Зато гель для душа – точно мой. Манго & кориандр – фирменный запах. Жаль, на самом донышке.

Выдавливаю остатки и закидываю пустую банку в раковину.

Из душа выхожу уже почти человеком. Бросаю одно из полотенец под ноги, чтобы не морозиться, вторым промокиваю мокрые волосы и заворачиваюсь в него. Убираю волосы с лица, немного воды попадает на швы и неприятно щиплет. Надо бы найти пластырь. Если в этом доме есть ребенок, нехстати вспоминаю я, найдется и пластырь. Морщусь от того, что успела забыть, какой непоправимый кульбит сделала моя жизнь. Нет, пожалуй, подумаю об этом позже. Гораздо позже. Когда выбора уже не будет.

Итак, если бы я была аптечкой, где хранилась?

Перерываю полки на кухне, потом настает очередь комода в спальне. Так ничего и не найдя, решаю написать Мише, чтобы захватил по пути, он же собирался в аптеку. Помню, что так ни разу и не решилась набрать его номер, пока лежала в больнице. Он просто приходил каждый вечер, как по расписанию, а я просто смотрела на приговор “м.муж” в контактах и пыталась свыкнуться с мыслью.

Даже то, как я его подписала – выдаёт меня с потрохами. Я вечно все сокращаю. Не удивлюсь, если это должно было быть “мой муж”. Хотя если произносить это вслух, звучит странновато.

Но это же я.

Отправляюсь на поиски телефона, но он словно исчез, растворился, выпал в небытие. Точно помню, что вынимала из кармана пуховика, а дальше – большой белый лист. Неужели с кратковременной памятью тоже начались перебои?

Оседаю на кровать и издаю громкий стон. Откидываюсь на ворох своих вещей и всматриваюсь в потолок. Ужасный светильник. Как и все в этом доме. Может, в Греции меня знатно стукнуло и произошла подмена личности? Такое тоже от травм бывает, невролог рассказывал. Это объяснило бы внезапную тягу к стабильности, замужеству, детям (боже, помоги) и полной безвкусице.

Разукрасить бы все здесь красками! Начать можно с моих фотографий.

Не спеша поднимаюсь с постели, придерживая полотенце на груди. Найти бы во что переодеться. Пижамку например. Но разгребать кучу вещей сейчас, если честно, не тянет. Вот на вино – тянет.

Снова спотыкаюсь о чемодан под ногами и отправляю его под кровать. Что вообще он тут делает? Может, я собиралась в путешествие? Или сбежать?

Да, пожалуй, это самая здравая мысль, если знать все вводные.

По пути цепляю пульт и включаю телевизор, находиться в тишине и дальше – выше моих сил. Пролистываю новостные каналы, добираюсь до музыкального и врубаю звук повыше, чтобы слышать и на кухне.

Скольжу по ламинату в сторону холодильника и бессовестно тянусь за новой порцией испанского вина. Это в сто раз лучше любого успокоительного. В замке поворачивается ключ, слышится скрип входной двери. Ставлю едва отпитый бокал на стол и выхожу навстречу мужу.

Испытываю некоторую тревогу от встречи с маленьким существом. Моим сыном. Стоит только представить, что он когда-то жил в моем животе, а потом вылез наружу, причем не самым эстетически красивым образом – я покрываюсь испариной. Это пугает до чертиков!

Миша снимает куртку, на полу возле его ног стоит автокресло с маленьким пассажиром. На малыше красный пуховый комбинезон, из которого одни только щеки и торчат. Глазки закрыты, и я успокаиваюсь. Знакомство откладывается.

– Держи, – откашливается муж, привлекая внимание к себе.

Я перевожу взгляд на йети, оправдывающего свою кличку на двести процентов: его брови снова сурово нависают над веками, а глаза проходятся по мне тяжелым взглядом. Он протягивает мне увесистый пакет из аптеки и закладывает руки в карманы.

– Можешь подойти, – кивает на ребенка.

– Нет, я... он спит, – трясую головой с такой силой, что она снова начинает болеть.

Я не готова.

Йети кивает, вскользь кидает взгляд на мои босые ступни и уходит в сторону детской с люлькой в руках. Я прохожу на мысочкам вслед за ним и подсматриваю.

Он явно знает, что делать: вынимает ребенка из кресла, прижав к себе, укладывает на диван, расстегивает верхнюю одежду. Мелкий начинает кряхтеть, когда его дергают за ручки и ножки, чтобы высвободить из одежды, и я нервно поджимаю губы. Только не просыпайся, только не просыпайся!

Операция “разминировать бомбу” проходит успешно, и муж перекладывает сына в кроватку. Включает ночник, проецирующий животных на стену, и выходит.

– Я лягу на диване, – тихо говорит моему лбу, кивая на детскую комнату.

– Может... – показываю на кухню.

– Хочешь есть?

– Поговорим?

Одновременно произносим мы.

Серые глаза, наконец, упираются в мои. Это сложный взгляд, непонятный и сильный. Я немного теряюсь под ним, потому что обычно с мужчинами, обладающими таким взглядом, не связываюсь. В них слишком большой багаж, а я люблю путешествовать налегке.

Наконец, Миша кивает в излюбленной едва заметной манере и делает шаг к кухне.

Поговорим.

– Телевизор орет, – словно удивленно говорит Миша, останавливаясь возле открытой двери спальни.

– Мне было невыносимо тихо, – проскальзываю мимо него и берусь за пульт.

Делаю на несколько делений тише и оборачиваюсь к мужу. Я плохо переношу тишину, годы, проведенные в дороге, приучили к постоянному соседству и шуму. Даже засыпать мне привычнее под мерный стук колес или гудение двигателя. А храп соседей по хостелу заменяет для меня колыбельную.

– Лучше выключить, – взгляд мужа по-прежнему напоминает сталинский: пристальный, испытующий.

Я удивленно приподнимаю брови, ощущая себя в собственном маленьком тоталитарном государстве. Он всегда просит так, словно его слово не обсуждается?

– Марсель спит, – все же объясняет он свою просьбу – не просьбу.

Точно. Ребенок прямо за стеной. Как привыкнуть думать не только о себе? Выключаю телевизор, комната погружается в напряженную тишину. Поворачиваюсь к супругу и успеваю застукать, как он изучает взглядом мои ноги. Он медленно скользит от ступней к бедрам и ненадолго останавливается на кромке полотенца.

Я прячу улыбку.

Возможно, ему допинг как раз и не понадобится. Слегка перетаптываю с ноги на ногу, ощущая мурашки на коже. Мне нравятся эти мурашки, они мне хорошо знакомы. Азарт.

Миша будто приходит в себя, поднимает глаза и, встречая мой веселый взгляд, тут же хмурится. Отводит глаза и закладывает руки в карманы джинс.

– Оденешься? – кивает на гору вещей, возвышающуюся на кровати.

– Ага, – разворачиваюсь на пятках и подхожу к постели. Задумчиво смотрю на кучу явно не стиранной одежды и разворачиваюсь к мужу. – А в чем я обычно хожу дома? – тереблю узел на груди, словно вот-вот его распахну.

Мне доставляет удовольствие считывать его реакцию.

Муж старательно втягивает воздух в легкие и смотрит куда угодно только не на меня. Смешной такой. Может он девственником был до меня? Или у нас платонический союз? Чего так тушеваться?

Смешок подавить все же не выходит. Я и платоническая любовь – это тоже из разряда мистики. Если я перешла на эту ханжескую сторону, то смело можно вписывать в мою историю болезни еще и психические отклонения. А рядом теории о том, что после Греции я не только стукнулась головой, но еще и стала жертвой похищения инопланетянами, где меня перепрошили. Что может быть лучше секса?! Только много секса.

– Там шкаф, – откашливается йети, показывая на изголовье кровати.

Как хитро, встроенный выдвижной шкаф! Огибаю кровать и берусь за ручку, чтобы выдвинуть полки. Нет, я меняю свое мнение: выдвижной шкаф – это отстой. Он очень тугой и мои силы против него не равны.

– Черт, – ругаюсь вполголоса, дергая ручку, но что-то, что должно мягко двигаться по направляющим, не двигается!

Упираюсь одной рукой в перегородку, а второй делаю сильный рывок. Полки поддаются, полотенце тоже. Только последнее – поддается гравитации и белым облаком приземляется у ног.

Упс.

Но да ладно. Все равно переодеваться.

Привстаю на мысочки, чтобы оглядеть верхние полки, на которых аккуратными стопками сложена одежда. Делаю это с умыслом: во-первых, я точно прячу там что-то незаконное, иначе такого порядка мой шкаф бы ни в жизнь бы не увидел, а, во-вторых, знаю, что так моя фигура выглядит выигрышнее. А кто не захочет немного подогреть чувства собственного мужа, которого планирует сегодня соблазнить?

В сугубо медицинских целях, само собой.

Кидаю мимолетный взгляд из-за плеча, чтобы насладиться эффектом, но Миши в дверях уже нет.

Чертов йети-ниндзя. Подкрадывается незаметно, исчезает бесшумно, на провокации не ведется.

Что за мужчина?

Прохожусь пальцами по тканям, но натыкаюсь сплошняком на джинсы, майки и свитера. На боковой полке обнаруживается сорочка, такая тонкая и гладкая, с прозрачным кружевом в таких местах, что сомнений не остается: это ночнушка “поднять умершее”. Которой в жизни не могло быть в моем гардеробе. Боже, я совсем отчаялась затащить мужика в постель, похоже.

Насколько все печально на нашем супружеском поле? Раньше мне не требовалась одежда, чтобы хорошо провести время с мужчиной. А теперь у меня стопка чего-то дорогостоящего и ажурного. И это совсем не я.

Откладываю это шелковое чудо, под названием “последний шанс” и тянусь к более удобному варианту. Мягкий домашний костюм, состоящий из штанов на широкой резинке и клетчатой рубашки-бойфренд. Все объемное, не сковывающее движений. Больше похожее на меня. Но у меня есть супердар: любую, даже самую пристойную, вещь превращать в сплошной порок.

И, просто чтобы доказать себе, что я – все еще я, расстегиваю две верхние пуговицы, спускаю рубашку с одного плеча. Оглядываю себя в зеркало.

Соппротивление бесполезно.

Он мне всё расскажет!

Выхожу из комнаты и тихой поступью ныряю на кухню. Миша стоит возле стола, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Встречает меня таким взглядом, что рубашка сама заползает обратно на плечо.

– Ты пила? – рычит на меня.

– Пару глотков, – трусливо не признаюсь в паре бокалов “до”. Прислоняюсь к стене напротив и мужественно выдерживаю тяжелый взгляд.

Я что, алкоголичка? В завязке и только что сама не понимая, развязалась? К чему такой наезд?

– Ты же на лекарствах! – и вот этот обвиняющий тон мне тоже не нравится. Он что в “папочку” играет со мной?

– Это все миф, – отмахиваюсь рукой и приземляюсь на стул. – От пары бокалов с напичканным медикаментами организмом ничего не случится.

– Пары бокалов? – повышает на меня голос.

Черт, проговорилась.

– Тройки! – уверенно говорю я и хватаю недопитое вино.

Смотря прямо в глаза обозленному йети, с удовольствием делаю пару глотков.

Дурацкая, дурацкая привычка дергать тигров за усы.

Миша

Это странное чувство.

Дежавю. Но вместе с ним, будто что-то совершенно новое.

Смотрю, как Маруся шлепает босыми ногами по полу, прокрадываясь в комнату, и не могу оторвать от нее взгляд. Не только потому, что на ней едва ли держится одно полотенце и простора для фантазии не остается, а я скучал, но еще и потому, что она сейчас совсем другая.

Лёгкая что ли. С широко распахнутыми глазами, трогательно незащищенная привычной броней хладнокровия. Такая, какой я ее встретил и навсегда отпечатал на подкорке.

Скольжу взглядом по красивым ногам, изящным ступням, выделяющим высокий подъем, когда она привстает на мысочки. И останавливаюсь на ее аккуратных пальчиках. Да, пожалуй, это первое, что я в ней полюбил. При первой встрече, я почти пятнадцать минут гипнотизировал маленькие пальчики с ярко-розовым лаком, выглядывающие из-под длинной цветастой юбки. Из-за того, что нас разделяла толпа пассажиров метро, я видел только их и босоножки с тесьмой, перехватывающие тонкие щиколотки, когда она забрасывала ногу на ногу.

Шел за ней от метро, как полный псих. Единственное импульсивное желание за всю мою жизнь. Проводил до турагентства, смотрел на нее сквозь окна. На длинные светлые волосы, струящиеся по спине, на прямую спину, которую она держала даже сидя, и на улыбку. Да, это вторая вещь, в которую я безвозвратно влип.

Но со мной она чертовски мало улыбалась.

Давлю тяжёлые мысли на корню и продолжаю смотреть. Она такая... красивая, без печати воспоминаний на лице. Без своего испытующего взгляда, без слов, приговором звучавших из ее рта. Перевожу взгляд выше, на кромку полотенца, едва скрывающего бедра, прикрываю глаза на секунду, чтобы снова не превратится в одержимого психа. Нельзя пользоваться ситуацией. И наконец, поднимаю взгляд на родное лицо. Ее глаза лучатся неприкрытым весельем.

Непривычная. Новая Маруся. Или, хорошо забытая под слоем наших разногласий старая?

– Оденешься? – выходит хрипло и приходится прочистить горло.

Категорически невозможно быть рядом, когда она такая... покрасневшая после душа, почти обнаженная. И эти волосы... Мы не виделись сколько? Несколько дней? Ничто не предвещало таких кардинальных перемен. Впрочем, то, что мне позвонят с незнакомого номера и скажут, что жена с ребенком в больнице, тоже ничто не предвещало.

Какой крутой кульбит сделала жизнь всего за пару часов, встряхнув едва устоявшийся мир с ног на голову.

И я не понимаю, стоит ли искать во всей этой истории светлые стороны. Пока не решил.

Маруся подходит к кровати, на которой горой свалена одежда (я не трогал, оставил все так, как было, когда заезжал, хотя руки чесались навести здесь порядок). Хмурится, осматривая кучу вещей и поворачивается ко мне.

– А в чем я обычно хожу дома?

Понятия не имею.

– Там шкаф, – киваю на изголовье кровати. Делал его своими руками, исполняя ее мечту.

Ещё мгновение наблюдаю, как она краткой поступью огибает кровать, как встряхивает влажными яркими волосами, и выхожу из комнаты, в которую так и не зашёл.

Эта территория больше не кажется мне моей.

Иду в ванную, чтобы помыть руки после поездки за рулём. Встречаюсь взглядом с собственным отражением и тяжело выдыхаю. Распирающий грудную клетку воздушный шар все никак не сдуется. Я не знаю, что делать, что говорить, как

правильно себя вести.

Женька, врач от бога, сказал, что нельзя брать её мозг штурмом. Нельзя сваливать бомбы и ожидать, что память резко восстановится. Это длительный многоуровневый процесс, состоящий из медикаментозного лечения, поступательной терапии, погружения в привычную среду. Но не с головой под лёд, а шаг за шагом, позволяя теплой воде захватывать тело по миллиметру.

Что я должен ей рассказать? Что стоит скрыть? Что отложить до нужного момента?

Впиваюсь пальцами в раковину и опускаю голову вниз, все ещё пытаюсь вытолкнуть распирающее нутро чувство тупика. Это тяжело. Как объяснить ей то, что я сам для себя никак не уясню?

В раковине валяется использованный бутылек из-под геля для душа. Только сейчас замечаю, что вся ванна пропитана тонким парфюмированным ароматом. Она была здесь совсем недавно, принимала душ, и сейчас носит этот запах на себе. Как сумасшедший, пытаюсь не думать, каково это утонуть в этом запахе вместе в ней, зарыться носом в ямку возле ключиц и держать желанную женщину в руках.

Но мне больше нельзя, об этом нужно помнить.

Верчу бутылек в руках, снова кидаю в раковину. Мою руки, ополаскиваю лицо. Нужно собраться.

Поднимаю с пола брошенное полотенце, кидаю его на сушилку, беру пустую банку из-под геля для душа и выхожу. Выкидываю источник моих навязчивых мыслей в мусорку и тут замечаю на столе бокал вина.

Она совсем сбрендила?

Точно. Травма головы влияет и на интеллект, очевидно. Как можно мешать курс препаратов и алкоголь?

Слышу мягкие шаги и оборачиваюсь.

Черт.

Она убьет меня.

– Ты пила? – за раздражением легче всего спрятать желание.

Желание схватить жену и оставить отпечаток своих губ на ее губах. А потом на плече, с которого спадает мужская рубашка. Чья-то. Не моя. Мысль, что у нее кто-то появился, до того, как... стреляет пулей в лоб, дробит кости и мозги.

Я скучаю. Я все еще надеюсь снять с паузы гребаную жизнь. Глупец.

– Пару глотков, – она мягко оседает на стул, поправляя спавшую с плеча ткань тонкими пальчиками.

Мы снова ругаемся, словно опять вернулись в исходную, до того, как прошли точку невозврата. Ее снова раздражает все, что я говорю, не удивлюсь, если даже то, как дышу и смотрю. Такими темпами память быстро вернется.

И эта мысль не приносит ожидаемого облегчения.

Маленькая перепалка заканчивается тем, что Маруся демонстративно хватает недопитый бокал и делает несколько жадных глотков, смотря прямо мне в глаза.

И это что-то новенькое.

Обычно от конфликта она уходила с грацией кошки: молча и гордо. Мы вообще много молчали, пока накопленные слова не взорвались вулканом, отрезая нас на “до” и “после”.

– Ну и что ты хотела этим доказать? – спокойно реагирую на ее провокацию.

На самом деле это даже забавляет. Она забавная. Не такая, как обычно. Это тоже последствия травмы или всего лишь то, какой она всегда была, только не со мной?

– Ничего, – поджимает губы и громко ставит бокал на стол, расплескивая вино на столешницу.

Я поворачиваюсь к раковине, отрываю бумажных полотенце и вытираю пятно.

– О, боже, – взрывается она. – Ты всегда такой?

– Какой? – поднимаю на нее взгляд.

– Зануда! Аккуратист, – делает какие-то странные жесты руками в воздухе.

– Да, – пожимаю плечами.

Выбрасываю полотенца, достаю еще один бокал и вино из холодильника. Наливаю себе немного, чтобы тоже расслабиться. Это были непростые дни. И одному только богу известно, насколько сложные впереди. Когда я остаюсь здесь, в ее квартире, на ее диване.

Осушаю бокал одним глотком и сажусь напротив Маруси. Она с прищуром поглядывает на меня, а затем тянется к своему бокалу.

– Последний, – ставлю ее перед фактом. – С завтрашнего дня – только лекарства.

– Хорошо! – раздраженно бросает она и прибавляет уже тише, закатывая глаза. – Боже...

Пригубляет вино, откидывается на стуле и прикрывает глаза. Издает стон удовольствия.

В голове только одна мысль: она убьет меня, убьет, убьет.

Ну и пусть.

– Ну так что, – покачивая ножкой, обращается ко мне Маруся. – Ты любишь меня?

От провокационного вопроса прямо в лоб я теряюсь.

Не думал, что “поговорить” начнется с такого. Я не готов.

Она перебрасывает чуть влажные волосы на одну сторону и ненавязчиво ведет плечом, пока с него снова не сползает рубашка. Как приклеенный обвожу взглядом острое плечо с гладкой кожей и поднимаюсь чуть выше, на полные губы.

Да. Нет. Наверное.

“Все слишком сложно” – вот правильный ответ.

Я был одержим этой женщиной, был в нее влюблен, был в ней разочарован. А сейчас я просто не знаю. Что осталось от нее и меня спустя все это время? От нас?

Голубые глаза смотрят на меня с изучающим интересом, она подлавливает то, как жадно я ловлю ее жесты и терпеливо ждет ответ.

– Да, – выходит хрипло и вопреки внутренним противоречиям.

Ей нужно сейчас услышать именно это. А я чувствую облегчение, произнося слово, которое боялся уже не произнести. Может, хочу, чтобы оно было правдой? Чтобы не все еще было кончено?

– За что? – не сдается коварная женщина.

Игриво перекатывает в пальцах ножку бокала, наблюдая за мной из-под опущенных ресниц.

Я шумно выдыхаю и прочесываю рукой бороду. Этот жест привычно успокаивает, дает почву под ногами: то якорь постоянства.

– Слишком сложный вопрос? – Маруся подается вперед, отставляет бокал с недопитым вином и складывает руки, как школьница за партой.

Только то, как приподнимается её грудь при этом простом жесте, совсем не тянет на целомудренную картинку. Она пытается поймать мой взгляд, пока я изучаю пуговицу на ее рубашке, которая вот-вот вылетит из петли. Очень коварный женский ход. Не замечал за ней такого вероломства раньше.

Поднимаю взор и всматриваюсь в ее настырные глаза.

– Сложный, – подтверждаю факт.

Улыбка, ноги, глаза, локоны – все это недостаточный набор характеристик, чтобы любить человека. Но я успел забыть, что еще я видел в этой женщине до того, как... Но она мать моего ребенка, одно это затмевает все, что я мог бы перечислить.

– Понимаю, – кивает она. – “Любят не за что-то, а несмотря на...” – цитирует какую-то расхожую фразу. – Так несмотря на что ты меня любишь?

Маруся наклоняется совсем близко, настолько, что нос щекочет ее экзотический запах. Я поддаюсь искушению и втягиваю воздух, наполненный сладким ароматом, на полную ширину легких. Этот разговор похож на искусную пытку: с ловкостью агента спецслужб она вытягивает из меня то, что я не говорил даже самому себе.

– Несмотря на то, что тебе не нужен мужчина, – выдаю прежде, чем хорошенько обдумать.

– Хм, – жена хмурится и поджимает губы. Красиво.

Я будто слышу то, что произнес со стороны. Звучит более чем двояко. Но если подумать, это чуть ли не основной камень преткновения в наших отношениях с первых дней знакомства. Я ей не нужен так, как мне бы того хотелось.

– Ты слишком самостоятельная. Не принимаешь помощь и заботу, – объясняю, как могу.

– Ха! – Маруся неожиданно заливается тихим смехом и откидывается на спинку стула, запуская пальцы в свои волосы. – А ты действительно хорошо меня

знаешь, боу, – вворачивает иностранное словечко, и я морщусь. Звучит чужеродно. – И что же, ты даже знаешь почему?

Я киваю. Она рассказывала немного, но по пространным “росли без родителей”, “воспитывала бабушка”, “только мы с сестрой” – выводы сделать легко. Не обязательно быть гребанным психоаналитиком.

– А за что я люблю тебя? – неожиданно спрашивает.

Я решаюсь снова потянуться за бутылкой и плеснуть себе в бокал остатки вина. Вообще я не пью. Но это чертовски сложный разговор. Что ей ответить? Если бы я был уверен, что она вообще любила...

– Ты вспомнишь, – отделиваюсь отговоркой, выпивая залпом вино.

– Точно не за бороду, – Маруся снова смеется. Пристально изучает мое лицо, скользит взглядом ниже, оценивая плечи. – Наверняка у тебя есть скрытые от глаз достоинства... – по нижней губе проходит кончик языка и тут же скрывается во рту. Непривычный жест. Завлекательный.

Её взгляд многозначительно опускается ниже и резко стреляет вверх, встречаясь с моими глазами. О каких достоинствах идет речь?

Стоп. Она флиртует?

Пульс ускоряется от этой догадки. Ее действительно крепко приложило головой. Но меня-то нет.

Я встаю из-за стола, получается резче, чем хотелось бы, и стул со скрипом проезжает по плитке. Хватаю бокалы, поворачиваюсь к мойке, включаю воду.

Флиртует?

Уму непостижимо.

Из легких вырывается едва слышный смешок. Совсем крыша поехала: выдавать желаемое за действительное. Вся устоявшаяся жизнь кувырком от короткого

ночного звонка, необходимости быть рядом двадцать четыре на семь и мысли, что вынужден проводить ночи в нескольких метрах от нее, без возможности что-либо изменить.

– Миша, – я вздрагиваю, но не от сладкого голоса, звучащего совсем близко, а от прикосновения теплой ладони к спине.

Оборачиваюсь, чтобы столкнуться с пристальным взглядом голубых глаз. Из ее уст мое имя звучит по-особенному. Мягко и тягуче.

Маруся медленно поднимает руку и, словно спрашивая взглядом разрешения, подносит ее к моему лицу. Теплые пальчики ложатся на щеку, ноготки прочесывают жесткую бороду.

– Колючая, – усмехается уголком губ.

Я замороженно читаю эмоции на ее лице. Интерес, любопытство, удивление.

Маруся проводит большим пальцем по моим губам, и я впиваюсь руками в столешницу позади. Этого слишком много. Хочется увернуться, уйти, чтобы не дать слабину, но я стою и позволяю жене знакомиться со мной. Это честно.

Я справлюсь.

Она приподнимается на мысочках и несмело касается моих губ своими. Её тело льнет к моему, распространяя жар, забивая легкие запахом, а кровь – бурлящим желанием. Когда ее язычок раздвигает мои губы, а сдаюсь.

К черту.

Она этого хочет.

Обхватываю ее талию руками, впиваюсь пальцами в долбанную рубашку, желая разорвать ее на мелкие куски, лишь бы избавиться от любого намека на другого мужчину. Издаю утробные звуки, потому что не знаю, как все это сдержать в себе. Я скучал. Боже, как я скучал.

Отвечаю на ее несмелый поцелуй – глубоко и жестко – не раскидываясь на робкую пробу, потому что знаю – в любой момент она может отобрать и это. Тело колотит звенящей потребностью. По спине прокатывается волна дрожи, оседая в ногах. Маруся остается робкой совсем недолго, и вот, ее пальчики уже ныряют мне под свитер, поглаживая кожу, а язык борется с моим в поединке.

Она совершенно безумна.

Разве можно так со мной поступать?

– Нельзя, – шепчу, отрываясь от пьянящего рта, когда ее руки ложатся на пояс брюк.

Сумасшедшая. Она совсем не в себе.

– Это поможет, – нашептывает мне в рот, продолжая дергать мой ремень.

Я обхватываю ее лицо ладонями и вглядываюсь в горящие глаза. Затуманенный взгляд ловит меня на крючок, и я плюю на все договоренности с собственной совестью. Я так долго играл хорошего парня, может, он ей не нужен? Может, именно это и станет нашей новой точкой отправки?

– Маруся, – шепчу ей на ухо, покрывая поцелуями шею. Кожа под моими губами покрывается мурашками. Какая она чувствительная.

– Не называй меня так, – хрипло смеется она, впаивая пальчики мне в плечи. – Это ужасно.

Хорошо, хорошо, хорошо. Все, что скажешь.

Ее рот снова цепляет мой. Я крепче сжимаю жену в руках. Приподнимаю над полом и подсаживаю на стол, от которого мы в одном шаге. Тот глухо бьется о стену под нашим давлением. Маруся скрещивает ноги у меня за спиной, а сама откидывается назад, ловко орудуя пальцами над мелкими пуговками на рубашке. Я учащенно дышу, пытаюсь реанимировать сжавшиеся от возбуждения легкие.

Не верится.

Все как во сне.

Впрочем, уже через секунду громкий плач из детской из него вырывает.

Глава 9

Он животное.

В хорошем смысле.

Эти руки, эта его борода. Завел меня с пол-оборота, и я тут же поверила в сказку про “жили долго и счастливо”. И почему я раньше на таких вот мужиков-мужиков не заглядывала? Такой пласт утех пропустила!

Я тихо взвизгиваю, когда большие мозолистые руки сжимают мою талию до хруста костей и подсаживают на стол. О, да. Мне нравится такой поворот. Обхватываю йети ногами, чтобы не сбежал, и начинаю скоро расправляться с пуговицами на рубашке. Испытываю едва уловимое чувство проблеска памяти. У меня давненько этого не было. Да. Это не прямо воспоминание, но твердая уверенность. Не было. Давно. Все тело в предвкушении!

Муж тяжело дышит, прожигая взглядом на моем теле горячие дорожки. Губы, шея, ключицы, грудь. погоди, ты еще лучшее не видел! Или видел? Конечно, видел, вот я глупая. Ну так сейчас увидишь больше! Или он уже знает все мои фишечки?

Черт. Это же для меня все впервой, ново и горячо, а он наверняка меня уже вдоль и поперек ?р?а?з?л?о?ж?и?л? изучил. От этой мысли становится даже немного грустно. Но я достаточно эгоистична, чтобы радоваться, что не он на моем месте, а я, и испытаю сейчас что-то феерическое, потому что со мной это еще не происходило.

Пуговицы поддаются легко, и уже через мгновение я распахиваю полы рубашки, чтобы продемонстрировать, что под ней ничего нет. Что? Я подготовилась.

Тянусь к бородатому мужу за поцелуем, но он останавливает меня за плечи.

– Марсель, – говорит, смотря в сторону коридору.

И тут я слышу. Да, точно. Ребенок плачет. Просто я не привыкла реагировать на такие звуки, я с ними себя не ассоциирую.

– Нужно его покормить, – Миша берется за полы моей рубашки и сводит их вместе, а затем делает шаг назад, выпутываясь из моих ног. Отстой. Надеюсь, он не намекает на то, что это сделать должна я?

Кидаю взгляд на свою грудь, пытаюсь определить, являюсь ли молокозаводом для маленького существа за стеной. Я бы почувствовала, да? Типа, она же должна становиться больше, пышнее там, тяжелее, не? А у меня все та же аккуратная двоечка, гордо держащая форму.

– Я сделаю смесь, – Миша поворачивается к кухонным шкафам, уверенно достает синюю коробку, встряхивает, снимает крышку. – Ты пока иди его покачай.

Фух, пронесло. Но покачать?

– Э... нет, я...

– Боишься? – муж оборачивается и стреляет взглядом в мою все еще неприкрытую грудь.

– Я совершенно ничего о детях не знаю, – почему-то шепотом отвечаю я.

Вроде как выдаю свою страшную тайну.

Слезаю со стола и застегиваю пару пуговиц. Криво. Я бы предпочла снять напряжение, которое сама же и создала. А еще, чтобы именно в этот момент память сошла на меня лавиной. Я боюсь детей. Своего – в тысячу раз сильнее, чем какого-то незнакомого. Что мне с ним делать? Как? Почему?

Последнее – все еще обращено к насмешливой вселенной, закинувшей меня в эту альтернативную вселенную моей собственной жизни. Правда, за что так со мной? Почему я? Как откатать обратно всю эту дичь?

– Просто покачай кроватку, погладь его по спинке, я сейчас приду, – учит меня Миша, отсыпая мерными ложечками смесь в неизвестно откуда взявшуюся бутылочку.

Я беру себя в руки – бред, ничего я никуда не беру, просто делаю видимость – и иду в направлении детской комнаты. Медленно. Эгоистично пытаюсь отсрочить знакомство с собственным сыном. Но от разрывающего мое сердечко крика, шаг прибавляю. Это, наверное, тот самый инстинкт, да? Материнский. Его проблески!

Вхожу в детскую и сразу к кроватке.

Ребенок стоит, держится пухлыми ручками за перилку, лицо красное, давится слезами. Зрелище не для слабонервных. Это точно из-за еды? Вот так истерить, потому что хочешь есть, серьезно? Опасливо подхожу ближе, хватаюсь за угол кроватки и пытаюсь ее покачать.

Марсель валится на свой упакованный в огромный памперс попец, на секунду умолкает, а потом разражается неслыханном мне ранее звуком. О, господи, господи.

В стену смежную с соседней квартирой слышится глухой стук. Там живет кто-то очень нервный. Меня кидает в панику. Что же делать, что делать?

Я качаю кроватку сильнее, в надежде, что мелкий крикун замолчит и завалится на бок, крепко засыпая. Не зря же придумали этот хитрый механизм! Но с отчаянием понимаю – ни фига. Его эта качка нервирует еще сильнее. В стену снова отборно... стучат. “Спинка!” – вспоминаю я. Погладить по спинке!

Делаю осторожный шаг ближе к кровати, протягиваю руку к малышу и касаюсь его спины. Так осторожно, словно подбираюсь к бешеному койоту. Ребенок плакать не прекращает, но вскидывает на меня свои мокрые глазки и тянет вверх руки.

О, боги. Он хочет на ручки!

Вот оно испытание на прочность: моих нервов и рук. Потому что он офигеть тяжелый! Не так я представляла себе младенца. Или его уже нельзя считать младенцем? Сколько ему там? Миша же говорил, точно говорил. С кратковременной памятью у меня тоже проблемы?

Руки отваливаются держать плачущего и дрыгающего конечностями ребенка на вытянутых руках. Как его взять-то правильно, божечки? Давай, злополучный инстинкт, самое время проснуться!

Прижимаю малыша к себе, перехватывая за спину. Покрепче. Ну чего он дергается? Почему так орет?

Вспоминаю все, что когда-либо видела о младенцах, плаче, матерях и начинаю подпрыгивать на месте. Укачиваю. Марсель от этой тряски, видимо, знатно офигевает и забывает, что надо плакать. Цепляется пухлыми ладонями мне в волосы и тянет их в очень слюнявый рот.

– Фу, кака! – пытаюсь вытянуть из его смертельной хватки локоны.

– Он не собачка, – тихо смеется подоспевший муж. – Не надо, Марс, смотри, – аккуратно подносит ребенку смесь и тот жадно обхватывает бутылочку пальцами.

Присасывается к резиновому носику и кладет голову мне на плечо. Прикрывает глазки и шумно дышит носом, пока глотает смесь.

А он прикольный.

Когда не орет. Как маленький плюшевый зверек.

– Возьми его снизу, ему неудобно, – Миша берет мою правую руку и перемещает под подгузник. Так, действительно, удобнее и Марселю и мне, он перестал съезжать по мне вниз. – И садись, – кивает на сложенный диван.

Я аккуратно присаживаюсь, Марсель тут же устраивается на моих руках, как в колыбели: укладывает головку на сгибе локтя, ножки на моих коленях. словно это хорошо отработанная схема. Через несколько секунд его глаза окончательно слипаются, и бутылочка выпадает из рук и рта. Он слепо шевелит губами, пытаюсь нащупать соску и начинает недовольно кряхтеть, когда ничего не выходит.

Миша садится на пол возле моих ног и поправляет бутылочку так, чтобы сын получил свою дозу спасительной смеси. Я поднимаю на мужа глаза, он смотрит в мои.

Это чертовски странный момент. Неправильный. Искаженный и ломанный, как из отражения кривого зеркала.

Но какого-то лешего я испытываю необъяснимое чувство тепла в груди.

– Он тяжелый, – шепчу мужчине напротив.

– Да, крупный пацан, – почти улыбается Миша. Его взгляд то скользит по моим рукам, то возвращается к Марселю, который, похоже, уже в крепкой спячке.

Я отрываю ступню от пола и веду пальчиками по мужскому колену вверх, как бы напоминая, на чем мы остановились. Мы же продолжим? Муж резко вскидывает голову и впивается в меня потрясенным взглядом. Что? Мы никогда не устраивали хорошей прелюдии?

– Кхм, – откашливается он. – Давай уложу его, – Миша подхватывает сына под спину и ножки и встает с ним на руках.

Оставляя меня недоумевать.

Хотя нет, все правильно, не будем терять время на эти игры.

Он подходит к кроватке, нагибается, чтобы уложить ребенка и прикрыть его одеялом. Я тоже встаю и ровно за его спиной начинаю расстегивать пуговицы на своей рубашке.

Раз, два, три – к тому времени как муж разворачивается, я снова топлес.

– Что ты?.. – разве взгляд голодного мужчины должен быть таким ошеломлённым?

– Уложишь и меня? – томно шевелю плечиками, пытаюсь сбросить рубашку окончательно.

Миша делает решительный шаг ко мне, я поднимаю лицо вверх, готовая встретить его такие захватывающие губы по пути. Но он сгребает полы моей рубашки и снова укутывает меня, как ребенка.

– Я лягу здесь, – хрипло говорит он.

– Что? С чего это? – говорю громче, чем надо, и Марсель в кроватке тут же принимается кряхтеть.

Мой страстный йети-обломщик снова отходит к детской кроватке и принимается ее раскачивать, как я несколькими минутами ранее.

– Тебе нужен отдых. Я займусь Марсом, – большая шершавая ладонь взмывает вверх и очерчивает лицо в жесте вселенской усталости.

– Серьезно? – брови сами ползут вверх. Точно евнух. А отношения у нас платонические.

Красота.

Кладу дрожащие неудовлетворённым гневом пальцы на пуговицы и уже в который раз за вечер продеваю их в петли.

От резко вскинутых бровей швы начинают ныть. Касаюсь подушечкой пальца кожи под дурацкими рубцом и чувствую что-то липкое. Только этого мне не хватало.

– Черт, – смачно выругиваюсь.

В полутьме детской комнаты не разглядеть, что за мокрое пятно я растираю на пальце, но вряд ли из меня начал течь мед. Скорее уж яд выходит. Вместе с кровью.

– Что такое? – обеспокоенно интересуется муж, продолжая укачивать Марселя в кроватке.

– Да шов... намочила его, пока мылась, – снова прикладывают пальцами под бровь. Определенно, пошла кровь. – У нас есть пластырь?

– Надо посмотреть.

Миша отпускает кроватку с притихшим сыном и надвигается на меня суровой глыбой. Полумрак делает его черты лица более угловатыми и жесткими, а взгляд по-настоящему темным. Разительные перемены с тем человеком, что сидел у моих ног буквально мгновения назад.

Он останавливается совсем близко и хмурит брови в уже знакомом жесте, разглядывая меня. Явно неудовлетворенный увиденным, становится ещё мрачнее. Можно смело вешать табличку "лицо анти-секс".

– Пошли, – кивает на дверь и касается моего плеча в противовес взгляду – очень мягко.

Я разворачиваюсь на выход, Миша притормаживает у детского комода и открывает верхние ящики по очереди, пока не достает большую коробку.

– Иди на кухню, – кратко инструктирует мой затылок.

Я забираюсь на полюбившийся мне стул у окна с ногами, упираю голые ступни в батарею. Шов над бровью немного ноет. Черт, надо было взглянуть по пути в зеркало, насколько там все страшно. Смотрю на указательный и большой палец левой руки – подушечки уже стянуло красноватой пленкой застывшей крови. Плохая идея, плохая. Не надо смотреть, не люблю вид крови.

Голова начинает кружиться, я прикрываю глаза.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/amaliya-mart_/poka-ya-spala

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)